

Мария Степанова

Каприс для Кати



Каприс для Кати 2
Привет, Миша!

12+

Алекс-Мари

Каприс для Кати

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67419428

SelfPub; 2022

Аннотация

Девочка Катя едет с классом на экскурсию в город Истру, чтобы посмотреть масштабную историческую реконструкцию, посвященную освобождению города от немецких захватчиков. Ни сама экскурсия, ни старый город девочке не интересны, и она самовольно уходит от группы, пытаясь развлечь себя прогулкой по территории Новоиерусалимского монастыря. Но прогулка оказалась не такой безобидной – вернувшись на исходную точку, девочка понимает, что осталась одна. Она идет в город в поисках группы и встречает юношу по имени Миша. Миша говорит загадками и вообще, все вокруг странное и страшное. Девочка понимает, что попала в прошлое.

Повесть имеет продолжение под названием «Каприс для Кати – 2. Привет, Миша!».

Содержание

Часть 1. Каприс для Кати.	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Часть 2. Каприс для Кати. Привет, Миша!	58
Глава 1	58
Глава 2	65
Глава 3	70
Глава 4	79
Глава 5	83
Глава последняя	92
Послесловие. Историческая справка.	94

Алекс-Мари

Каприс для Кати

Часть 1. Каприс для Кати.

Глава 1

– Катя, вставай! Катюша, ты меня слышишь?! Уже почти семь часов!

За окном стояла непроглядная темень, и слышно было, как в стекло стучатся крошечные снежинки. Они легонько касались стекла, отталкивались и падали вниз. Снег в городе был помехой. Падая на землю, снежинки мгновенно таяли, теряя свою безупречную геометрическую красоту, и превращались в холодную скользкую кашу.

Девочка спрятала голову под подушку, но мамин голос проникал и туда.

– Катя! Ты опоздаешь на автобус!

Нет, не опоздает! Потому что мама позаботится о том, чтобы она точно уж не опоздала. А так не хочется вылезать из теплой постели!

– Ну ма-ам... Можно я не поеду?

– Нет, не можно! – мама отдернула одеяло, кожа тут же

покрылась пупырышками, – вставай!

Когда мама вышла из комнаты, девочка обратно натянула одеяло, сделав норку, и поджала ноги, чтобы согреться. Это просто издевательство, тратить выходной на какую-то там патриотическую экскурсию. Она бы, может, и не поехала, если бы классная руководительница не обзвонила всех родителей. Мама, конечно, обрадовалась. Она вообще всегда была за то, чтобы Катя узнала что-то новое. А этой поездке обрадовалась вдвойне. Оказалось, что мама, будучи студенткой второго курса, тоже была в Истре на экскурсии, и ей там очень понравилось. То есть, возможности избежать поездки вообще не было. Теперь вставай ни свет ни заря, в автобусе трясись, потому что у мамы ностальгия...

Предупреждая очередное мамино нападение, она кое-как села на кровати, передернулась. Волосы на длинной стороне замялись и торчали в разные стороны. Обрить одну половину головы было классной идеей, но теперь, чтобы прилично выглядеть, нужно было укладывать волосы каждый день. Пригладив вихры, она дотянулась до махрового халата, всунула руки в рукава и запахнула его на груди.

– Катя, ты встала? – донеслось из кухни вместе с запахом овсяной каши.

– Да встала я, встала... – буркнула девочка, и поплелась в ванную.

Теплый душ, как ни странно, взбодрил. Она высушила волосы, уложив пряди аккуратной волной. Хотела накрасить

глаза, но, подумав, отложила косметичку. Красоваться там будет не перед кем, одиннадцатые классы (счастливики!) не едут.

Мама хлопотала на кухне. Катя села на высокий табурет у стола и посмотрела на нее. Странно, что мама, которая вставала затемно, выглядела так, будто давно уже выпалась. Она бодро сновала между плитой и столом, успевая помешать, нарезать, поставить перед Катей тарелку. Есть совсем не хотелось, но у мамы было правило пяти ложек. Эта традиция появилась, когда Катя была совсем маленькой, и маме приходилось уговаривать ее покушать. Тогда мама сказала – съешь столько, сколько тебе лет! Маленькая Катя посчитала на пальцах – пять. Пять – это немного, решила она, и начала есть. Но каша оказалась такой вкусной, что она не заметила, как ложка скребнула по дну тарелки. Тогда мама похвалила дочку и дала конфету. А когда капризы за столом повторились, мама опять предложила съесть пять ложек. Так и повелось...

Покончив с завтраком, девочка соскользнула с табурета, подошла к маме, обняла.

– Спасибо...

– На здоровье, – мама чмокнула Катю в лоб. Раньше она целовала в макушку, но, за последние несколько месяцев дочка заметно выросла, и теперь мама дотягивалась только до лба, – я там тебе термос и бутерброд приготовила, возьми обязательно!

Отвернувшись, Катя сморщилась – еще не хватало с бутербродом в сумке ходить, чтобы от нее за полтора километра пахло колбасой. Все уличные собаки сбегутся... Она взяла любимую сумку-торбу, бросила туда телефон и шоколадный батончик, порылась в школьной сумке, нашла пару купюр и мелочь, и ссыпала туда же.

Надо будет потом мелочь в карман переложить, уж больно громко она звенит. Надела ботинки, затянула шнурки.

– Катя, бутерброд! – мама вышла в прихожую, в одной руке она держала маленький ланч-бокс, в другой термос. Катя вздохнула, посмотрела на маму укоризненно, но еду взяла и кинула внутрь сумки. Термос ударился об мелочь.

– Катюша, надень белую курточку, – попросила мама, – она тебе очень идет!

– Ну, ма-ам! Белая не подходит к ботинкам!

Действительно, к белой куртке мама купила Кате замечательные сапожки. С берцеподобными ботинками белая куртка ну никак не вязалась. Катя натянула черный пуховик, шапочку с кошачьими ушками, которая, конечно, совсем не подходила ни к ботинкам, ни к куртке, но была ее любимой.

– Ну чистый почтальон, – мама покачала головой. – Проведи время с удовольствием, – напутствовала она, – и узнай что-то новое.

Автобус стоял у школы. Почти все были на месте, ждали опаздывающих. Катя впрыгнула в салон автобуса, и носом к носу столкнулась с Анной Павловной или, как звали ее уче-

ники Аннапална, преподавателем истории.

– Котова, что за привычка опаздывать? – вместо приветствия произнесла историчка. Вообще-то она была мировая тетка, предмет свой знала и любила. Но сегодня, наверно, Аннапална тоже не выпалась, поэтому была не в духе. Она всегда, когда сердилась, называла учеников по фамилии.

– Доброе утро, Анна Павловна, – сказала Катя, и проскользнула мимо недовольной учительницы вглубь салона. Оттуда ей уже махала рукой Яна, подруга и одноклассница.

Дорога была долгой. Автобус ехал медленно, за окнами постепенно светлело. Так вот зачем нужно было вставать в такую рань – чтобы ехать черепашьям шагом! Катя выглянула в проход между сидениями – кто-то дремал, кто-то развлекал себя телефоном.

Яна сначала пыталась говорить, но потом привалилась лбом к стеклу и уснула. Счастливая! Катя так не могла. Даже когда они ездили всей семьей на машине в Крым, она не спала на заднем сидении, а говорила и говорила. Папа тогда пошутил, что надо было ее посадить вместо мамы, которая клевала носом на переднем пассажирском сидении.

За окном все чаще появлялись какие-то селения, маленькие дома, засыпанные снегом, пара-тройка придорожных кафе, синие указатели со стрелками. Катя поняла, что они скоро приедут. Анна Павловна прошла по проходу, и раздавала всем оранжево-черные полосатые ленты. К ленте была прикреплена маленькая булавка. Анна Павловна показыва-

ла, как свернуть ленту красивой петлей и прикрепить к одежде, но Катя не стала возиться и привязала ленточку к сумке. Яна, стянула шапку и привязала ленточку к помпону, завязав бантиком. Надев шапку, она потрясла головой и засмеялась.

– Как дурочка, – Катя хихикнула, глядя, как дурачится подружка.

Автобус остановился.

– Так, дети! Выходим! Аккуратно, не толкаем друг друга! Не забывайте свои вещи! – суежилась Аннапална. Все разом поднялись, закопошились, зашумели, и, конечно же, в проходе образовалась пробка. Мальчишки толкались и смеялись. Катю пару раз пихнули, после чего она ощутимым тычком протолкнула мальчишек вперед и вышла из автобуса. Было не холодно, но пасмурное утро навевало тоску. Эх, как бы хорошо сейчас валяться в кровати, поспать часиков до одиннадцати... Всё это были мечты. Реальность вот она – серая, ветренная, посыпаемая редким снежком. К ним подошла женщина средних лет, невзрачная и незапоминаемая, как всё вокруг. Единственное, на что обратила внимание Катя, была здоровенная круглая коричневая родинка на щеке. Женщина представилась экскурсоводом. Катя осмотрелась – они остановились возле какой-то церкви или монастыря.

В таких местах было мало чего интересного. Сейчас "родинка" начнет заунывно рассказывать про старину, водить их вокруг этих старых стен... Скучно...

Группа двинулась к зданию. Яна прицепилась к правой ру-

ке. Катя не очень любила ходить "под ручку", но от подружки терпела.

– Катък, ну что у вас там с Царём? – спросила Яна загадочным шепотом.

Катя порозовела. Андрей Царёв, или, как его называли в школе и в компании – Царь, учился в одиннадцатом классе, занимался плаваньем, был даже мастером спорта, паркурщиком, и очень, очень ей нравился. Ради того, чтобы чаще встречаться, она тоже занялась паркуром, и, неожиданно для себя, втянулась. Это Царь дал ей прозвище Кошка, не только из-за фамилии, а потому что она ловко прыгала и мягко приземлялась. Раньше в школе он совсем не обращал на нее внимания, но недавно... Недавно, когда они стояли на перемене у кабинета, он при всех подошел к ней, заправил длинную прядь за ухо и спросил, придет ли она в воскресенье на городские соревнования по плаванию. "Мне нужны болельщики" сказал Царь и неотразимо улыбнулся. От этой улыбки Кате стало так хорошо, что даже когда он отошел, она еще некоторое время стояла, прижавшись к стене и сохраняя это благодное чувство. И, конечно, она ходила на соревнования, кричала и болела больше всех. А потом он пошел ее провожать, неизвестно как отвязавшись от друзей. Оказалось, что живет он всего в двух домах от нее. С одной стороны это было здорово – ее грела мысль, что объект ее мыслей совсем рядом, а с другой не очень, потому что до ее дома они дошли за пять минут. У подъезда было много

народу. Туда-сюда сновали люди, толклись какие-то бабки, играли дети.

– Ну пока, – Царь улыбнулся.

– Пока, – в горле пересохло, и, прежде чем ответить, она пару раз судорожно глотнула.

Молодой человек наклонился и коснулся губами ее скулы, совсем рядом с глазом. Губы его были сухие, чуть обветренные и теплые.

Пока она ехала в лифте, ей казалось, что короткий поцелуй горит на щеке как клеймо. Дома она быстро разделась, убежала в комнату и упала на кровать. Мама хоть и удивилась дочкиной странной молчаливости, но спрашивать не стала. Ну и хорошо. Мама всегда была понятлива, за это Катя ее любила еще больше.

Яна была не так деликатна. Ей хотелось подробностей, и она трясла подругу как грушу, чтобы вытащить из нее информацию. Когда Катя рассказала последние новости, она запищала и запрыгала на ходу.

– Котова! Гольшева! Ну-ка успокойтесь! – шикнула на них Аннапална, – вы всем мешаете!

Действительно, экскурсия уже началась. "Родинка" что-то рассказывала тонким писклявым голосом, но слышно ее было плохо, звук рассеивался на воздухе. Катя подобралась поближе. Яна наконец-то отцепилась от ее рукава, приподнялась на носочках – она была невысокого роста – а потом и вовсе нырнула между одноклассниками, чтобы быть побли-

же к экскурсоводу.

– Воскресенский собор по сути своей является центральной фигурой в архитектурном ансамбле Ново-Иерусалимского монастыря. Его строительство началось в одна тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году – через два года после основания монастыря. Оба этих события произошли по инициативе Святейшего Патриарха Никона. В одна тысяча шестьсот шестьдесят шестом году Никон был отправлен в ссылку и строительство собора Воскресения Христова было приостановлено, – вещала экскурсовод.

Бла-бла-бла... Тоска... Почему она так глупо говорит "одна тысяча..."? И так понятно, что одна тысяча, а не две. Сказала бы нормально – в тысяча шестьдесят... каком там? Уже забыла...

Катя потопталась вокруг себя, оглядываясь. Монастырь и правда был большой.

Летом, наверное, тут хорошо, много зелени, но сейчас было уныло. Огромное здание, белое, местами с треснутой штукатуркой. И много-много каких-то мелких строений. Вон ворона летит, каркает. Здоровенная такая...

– Котова, – историчка подобралась к ней незаметно, и Катя вздрогнула от неожиданности, – во вторник я тебя спрошу обо всем, что тут рассказывают, – предупредила она и хищно прищурилась.

"Вот привязалась", – подумала Катя досадливо.

– Во время отступления немцы взорвали Ново-Иеруса-

лимский монастырь, впрочем, как и почти весь город. Целым остался единственный дом, в котором жила семья Титовых. Он стоял недалеко от монастыря, на улице Советской, а рядом с ним располагалось двухэтажное кирпичное здание, которое до революции было гостиницей при монастыре, а после

Скучно. Невыносимо скучно. Стараясь быть незамеченной, Катя начала отходить от группы. Все пошли по высокой лестнице наверх, а она, задержавшись, двинулась вдоль стен. Зачем она туда пошла, отбившись от группы, Катя и сама толком не понимала. Тем более, что она никогда не испытывала особого интереса к старинным строениям. Она неторопливо шла вдоль каменных стен, похожих на крепостные, и думала, что тогда, в старые времена, в монастыре, наверное, можно было неплохо отсидеться в случае нападения врагов. У одной из стен стояли строительные леса, церковь ремонтировали.

Катя потеряла замерзшие руки, пошарила в карманах, достала и надела перчатки. Пора было возвращаться, погуляла и хватит. Все же она решила не идти назад, а обогнуть здание кругом и выйти с другой стороны. Она шла и шла по узкой протоптанной дорожке, казалось, это не кончится никогда. Внезапно что-то грохнуло так, что заложило уши и посыпалась кирпичная крошка. Катя испугалась и скорчилась у стены, зажав руками уши. Запахло дымом.

Подождав немного, она опасливо отклеилась от стены и

посмотрела вверх – сверху угрозы, кажется, не было. Она прижала ладонь к груди, под курткой бешено колотилось сердце. "Упало что-то наверно, – рассуждала она сама с собой, – вот как сейчас треснет кирпичом по башке и куку, Катька, привет на том свете". Стало страшновато. Девочка чуть отошла от стены и прибавила шагу. Она с облегчением выдохнула, когда вышла на открытую площадку у здания монастыря. У ступеней никого не было. "Что там можно так долго смотреть..." Катя вбежала по ступеням и с усилием потянула тугую дверь. В храме было темно, не считая горящих свечей, и холодно. Ни экскурсовода и одноклассников в этом темном помещении не было. Она выбежала на улицу, и быстрым шагом направилась к автобусу. Но автобуса и след простыл. Мало того, следов автобуса вообще не было, скорее всего, их засыпал усилившийся снег. Значит они уехали достаточно давно.

Глава 2

Растерявшись, девочка потопталась на месте, размышляя. Как так-то?! Ее забыли! Уехали и даже не пересчитали, все ли на месте! Негодуя, она поправила сумку и пошла по заснеженной тропе в сторону города, злясь на всех. На маму, которая заставила ехать, на учительницу, на Янку, которая даже не вспомнила о ней. Но больше всех она досадовала на саму себя. Пройдя пару сотен метров, Катя вдруг вспомнила про телефон. Можно же позвонить! Она радостно выхватила из сумки телефон, набрала номер. Но, телефон молчал. Связи не было. Ну конечно, в этом городишке еще и связь не работает. Досадливо засунув гаджет в задний карман брюк, Катя двинулась дальше.

Она все шла и шла, отыскивая глазами следы цивилизации – многоэтажки, магазины, кафе. Ну, хотя бы автобусные остановки. Но ничего этого не было. И вообще, Истра, мнившая себя городом, очень смахивала на деревню.

И ни одного человека, будто вымерли все. Только редкие собаки пробегали мимо, да и те не лаяли, торопясь по своим делам.

Услышав неподалеку голоса, Катя обрадовалась. Наконец-то она спросит дорогу. Из-за угла появились двое мужчин в форме немецких солдат, наверно участники исторической реконструкции, о котором захлеб рассказывала исто-

ричка, и ради которой они притащились сюда. Она уже хотела окликнуть их, но тут услышала тихий свист. Оглянувшись, Катя заметила в воротах одного из домов движение. Она не рассмотрела, кто там, но, кажется, ей махали рукой. Ну ладно, ей все равно, у кого спрашивать путь до мемориала. Она подошла к воротам, из которых ей сигналили, ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы она могла в них пройти, оттуда высунулась рука, и Катю втащили внутрь.

Она даже не успела испугаться, поэтому отбиваться не стала. А когда до нее дошло, что произошло, рука уже отпустила ее. Катя развернулась к нечаянному похитителю в готовности драться, но он не собирался нападать. Наоборот, он повернулся к ней спиной и смотрел в щель забора. Это был мужчина. Ну, то есть он выглядел как мужчина – в широких потертых брюках, ватной телогрейке и шапке-ушанке из неизвестного лохматого, но изрядно полинявшего зверя. Рукав телогрейки был порван на плече и оттуда торчала грязная вата. Бомж что ли? Стало страшно.

– Эй, – Катя настороженно окликнула мужчину, – чего тебе надо?

Мужчина обернулся, и Катя увидела, что это не мужчина, а мальчишка. Ну, не совсем мальчишка, подросток. Изпод старой шапки на нее смотрели сердитые стального цвета глаза.

– Тебе что, жить надоело? – вопросом на вопрос ответил парень.

– В каком смысле?! – Катя растерялась.

– В таком, – парень говорил почти шепотом, – сейчас бы эти тебя кокнули и всё.

– Да что ты несешь, – хихикнула Катя, – с чего бы им меня кокать?

– Смейся, смейся, – буркнул парень и снова приник к ще-
ли.

Кате стало любопытно. Она подошла к забору и нашла в нем дырку от выпавшего сучка. Двое в форме шли по улице и громко смеялись. И совершенно не собирались никого кокать. Вот из одного двора выскочила дворняга и принялась остервенело лаять на проходящих. Она напрыгивала и отступала, захлебываясь звонким лаем. Катя хотела отпихнуть мальчишку и выйти из двора, куда ее так невежливо затащили, как вдруг один из мужчин вскинул автомат, который до этого висел у него на груди, и выстрелил очередью. Катя прижалась глазом к отверстию и обмерла – раненое животное конвульсивно дергалось на обочине, кровь разливалась вокруг подбитого тела. Проходя мимо, мужчина не глядя выстрелил еще раз, и собака замолчала.

Потеряв дар речи, Катя уставилась на мальчишку, а мальчишка смотрел на нее.

– Что это было? – произнесла она дрожащими губами.

– Немцы, – пожав плечами ответил парень, – как будто не знаешь.

– Какие немцы?..

Она не понимала, о чем он говорит, но увиденное испугало и озадачило ее. Она ни разу не видела, чтобы человек так хладнокровно убивал животных. И ей стало страшно.

– Тебя что, контузило? – вдруг спросил парень, – взрыв недавно был. То-то я смотрю, стоишь как блаженный, фашисты идут, а он им ручкой машет...

Катя смотрела на парня и пыталась собрать в кучу разбежавшиеся мысли. Какие фашисты, какой взрыв?.. Она бы и дальше стояла столбом, если бы парень не взял ее за локоть и не затащил в дом.

В доме было холодно, бедно и пусто. Маленькая кухня с печкой, и еще одна комната, в которой стоял старый диван и железная панцирная кровать с высокими спинками. На кровати сидел тощий серый кот.

– Не разувайся, холодно, – бросил Кате парень, – проходи в комнату.

Катя растерянно прошла и присела на коричневый стул.

– Чай будешь? – парень выглянул из-за печки. Катя кивнула.

Он принес два стакана с желтой дымящейся жидкостью, один поставил перед Катей.

– Пей.

Она отпила и поморщилась, было несладко и пахло какой-то травой.

– А сахар есть?

Теперь была очередь незнакомца удивляться.

– Сахар?!

Катя подняла глаза – он смотрел на нее как на сумасшедшую.

– Ну сахар, сахар, да. Белый такой.

– Ты странный какой-то, – парень покрутил у виска, – и выглядишь странно, – добавил он.

Он с прищуром осматривал Катю, а ей вдруг захотелось спрятаться от его пытливых глаз.

– Слушай, а может ты шпион?

– Какой шпион? – ошарашено спросила Катя. Она уже устала удивляться.

– Известно какой, фашистский.

– Ты дурак что ли? – Катя посмотрела на мальчишку не менее пристально.

– Хорошо, – кивнул он, – тогда говори, где живешь?

– В Москве, – ответила девочка.

Парень присвистнул.

– В Москвеее... А у нас как оказался?

– На автобусе.

– На каком еще автобусе?

– На рейсовом, блин! – Катя вдруг разозлилась, вскочила со стула. – Слушай, мне это надоело! Я в ваши игры не играю! Скажи мне, как обратиться до мемориала Славы, и я пойду.

– До чего?!

– Слыш, – она "включила" крутую девчонку, – ты сам не

местный что ли? Сегодня у вас тут день освобождения города от немцев, историческая реконструкция, а ты как с печи упал.

Парень смотрел на нее оторопело. Катя двинулась к выходу, собираясь уйти, и, неожиданно глаза наткнулись на отрывной календарь, висящий на стене. Катя подошла, посмотрела.

– Это что за раритет? – она полистала странички, – ты тоже что ли в представлении участвуешь?

– В каком представлении?

– Так! – она выставила вперед ладонь, – хорош мне голову морочить! Какое сегодня число?!

– Девятое декабря...

– Нууу...

– Сорок первого года...

– Какого года? – у Кати пересохло в горле и она, схватив стакан с остывшим чаем, отпила глоток.

– Сорок первого... – голос незнакомца был не менее удивленным, но говорил он вполне уверенно.

Кате показалось, что у нее заложило уши и защипало глаза. Она подняла руки, чтобы потереть их, и рухнула на пол.

Очнувшись, она почувствовала у себя под головой теплые колени. Мальчишка испуганно заглядывал ей в лицо.

– Фух, испугался, – засмеялся он, когда Катя завозилась и попыталась встать. – Лежи, а то опять сбрыкаешь.

– Ты – девчонка, – добавил он чуть погодя, и Катя услы-

шала, что он улыбается. – А я думал парень. Одетая как парень. Тебя как зовут?

– Катя, – ответила она, – а тебя?

– Меня Миша. Михаил Новик.

– Катя Котова.

– Ну, понятно. Ты, наверно, от голода упала, такое часто бывает. Есть хочешь?

Катя отрицательно мотнула головой, меньше всего сейчас она хотела есть. Она все-таки собрала все силы и села на полу. Миша пристроился рядом на корточках.

– Миша, ты не шутил? Какой год ты сказал?

– Да какие шутки! Сорок первый. А что?

– Я, наверно, сошла с ума. Или сплю. Или сошла с ума и уснула. Этого быть не может!

– Да что не так-то? – Миша недоуменно посмотрел на нее.

– Да то, что сейчас две тысячи шестнадцатый!

– Какой-какой?

– Две. Тысячи. Шестнадцатый!

– Ты точно с ума сошла, – засмеялся Миша.

– Нет, погоди! – она затрясла головой, вспоминая. – Мы подъехали к монастырю... все пошли внутрь, а я... Слушай! Это кошмар просто! Этого быть не может! Это как в том фильме! Там черные копатели... Ну неважно, в общем они в будущее попадают во время войны, понимаешь?! И я так же! О, боже... О, боже...

Она металась по комнате, а Миша смотрел на нее, явно не

улавливая нить разговора.

– О, боже! О, боже...

– Ты верующая что ли? – он уже почти опасно смотрел на Катю, очевидно, уловив из всего речевого потока только слово "боже", – точно, блаженная какая-то.

– Ты не понимаешь! – Катя схватила Мишу за руку, – я попала в прошлое! Я живу в две тысячи шестнадцатом!

Он осторожно отцепил ее пальцы от своего рукава.

– Этого быть не может!

– А я о чем?! – она опять заметалась, – быть не может, но случилось! Только за что это мне? В фильме, там они в могилах солдат рылись, а я ничего такого...

– Ты про какой фильм твердишь? Какие могилы?

– Ой, да ты не поймешь! Слушай! Мне надо в монастырь вернуться, там ворота назад!

– Какие ворота?

– Ну проход, где я в вашем времени оказалась! Я там шла-шла, а вышла тут!

Миша помотал головой.

– Нельзя в монастырь! Там немцы кругом.

– Миша! – Катя снова схватила парня за телогрейку, – пойми, если я туда не попаду, я навсегда останусь в этом времени! А там мама... И папа... И...

Катя вдруг заплакала, уткнувшись парню в грудь. Не ожидавший такого, он сначала было отшатнулся, но потом осторожно сомкнул руки у нее за спиной.

– Ну, не реви, не реви, – нарочито грубо проговорил он, похлопывая ладонью между лопаток, – надо, значит надо. Пойдем.

Глава 3

Они вышли из дома. Миша привычно осмотрел улицу в щель в заборе и махнул рукой – можно! Он придержал тяжелые ворота, и выпустил Катю.

– Ты дом закрывать не будешь? – шепотом спросила девочка.

– Я закрыл, – ответил он ей так же.

– А на ключ?

Миша усмехнулся.

– От кого? Немцы захотят зайти, так и в закрытый дом зайдут. А свои не полезут. Сейчас все прячутся, не до этого. Да у нас и брать-то нечего.

– А ты с кем живешь?

– С теткой, отцовой сестрой.

– А где она?

– Она в подвале прячется.

– А ты почему дома?

– Не хочу в подвале сидеть.

– Мм, понятно... – ответила Катя, хотя ей было совсем непонятно.

Ребята шли по краю улицы, постоянно оглядываясь на каждый шорох. Постепенно Катя начала узнавать места, где она уже проходила.

Пару раз им навстречу попадались немцы, сначала двое

на мотоцикле, и тогда Миша столкнул ее в обочину, и упал сверху сам, завалив обоих снегом. Второй раз они заметили машину с солдатами. Немцы вели себя деловито, перекивались хриплыми голосами, и было видно, что они торопятся.

Миша протащил Катю через кусты, и они вышли на какую-то тропу вдали от дороги. Тут можно было отряхнуться от снега и передохнуть.

– Миша, а где твои родители?

– Отец на войне, а мамка умерла давно, я еще маленький был. Мы с тетей Машей жили, отцовой сестрой.

– Ты в школе учился?

– Учился, – кивнул он, – восьмилетку закончил. А потом с отцом на фабрике работал.

– А лет тебе сколько?

– Шестнадцать. А тебе?

– Мне пятнадцать будет скоро.

Катя посмотрела на парня и вдруг подумала, как он отличается от парней в ее времени. Даже лицо его было другое – строгое, серьезное. И сам он такой... Сосредоточенный. Как взрослый.

Потрепанная одежда, очевидно, грела плохо. Миша потирал красные руки и всё пытался натянуть на них рукава. Катя решительно стянула перчатки.

– На вот, надевай!

– Вот еще! Надевай сама!

Катя взяла его за руку и хотела надеть, но Миша выдернул кисть и легонько оттолкнул Катю.

– Я тебе девчонка что ли, девчоночьи вещи носить?

– Ах так, ну ладно! Сейчас я тебе покажу девчонку!

Она начала подбираться к нему, кружила, кружила, вспоминая, как показывал тренер, потом резко схватила за предплечье, и, поставив ноги устойчиво, перекинула парня через себя, довершив прием несильным ударом в грудь. Миша не торопился вставать, удивленно разглядывая Катю.

– Ну ты даешь! – восхищенно протянул он, – где так научилась?

– Да я с восьми лет рукопашкой занимаюсь, меня папа в секцию отдал. Говорит, нынешней женщине не помешает немножко самообороны. Ну что, наденешь перчатки или еще раз? – она улыбалась.

Миша смущенно поежился и протянул руку за перчатками.

– Давай, – согласился он. – Научишь меня?

– Научу, – кивнула Катя.

Они двинулись дальше. Катя засунула руки в рукава куртки и сделала подобие муфты. Мембранная куртка грела отлично, и она радовалась, что не надела белую. Та была красивая, но не такая практичная. Хотя, кто ж знал, что ей придется преодолевать расстояния с мальчиком из прошлого.

Монастырский комплекс показался вдали. На фоне белого снега было видно, как сновали черные фигурки. Немцы!

Ребята затаились за деревьями в ожидании.

– Что это они делают? – Катя пыталась рассмотреть.

Немцы таскали ящики внутрь. И тут на нее снизошло озарение.

– Миша! Они хотят взорвать монастырь! Нам экскурсовод рассказывала! – она опять задрожала, – как же я попаду домой?!

– Да погоди ты суетиться! – Миша схватил ее за руку, пригнул к себе и держал, чтобы она не шевелилась, – смотри, они уезжают!

И правда, солдаты сели в машины и поехали, оставив троих часовых.

– Со своими они взрывать не будут, – проговорил он ей в ухо, – сейчас уедут, мы попробуем подобраться.

– Но там же солдаты!

– Я другую дорогу знаю, они нас не заметят! Мы маленькими тут всё облазили, я каждый камень знаю.

Миша подождал еще немного. Часовые вели себя спокойно. Двое курили и разговаривали, третий куда-то пошел, но быстро вернулся. Миша взял Катю за руку и повел. Перебежками они преодолели часть пути, а когда здание скрыло их от солдат, торопливо двинулись к храму.

– Ну давай, показывай, где ты шла?

– Ну, вон там. Я зашла слева от собора, шла, шла, а потом что-то – бабах! Я испугалась, пошла быстрее, и вышла справа от собора. Ну и оказалась тут.

– М-да... У собора ходить опасно. Там даже спрятаться негде. Ну, давай попробуем.

Они крадучись пошли вдоль стены.

Катя старалась идти на том расстоянии от кирпичной стены, как она делала в первый раз.

– Слушай, а я с тобой не попаду в твой две тысячи... какой ты там говорила?

– Шестнадцатый.

– Да.

– Не знаю. Но у нас всяко лучше. По крайней мере войны нет.

– Война закончилась?

– Ага.

– А кто победил? – в голосе Миши было слышно плохо скрываемое волнение.

– Ну, а ты как думаешь? Конечно, наши победили. А то бы может я и по-русски то разговаривать не умела. Только это еще для вас долго, в сорок пятом война закончится.

У Миши огорченно вытянулось лицо.

– В сорок пятом?! А говорили за год фашистов прогоним... – по голосу было слышно, как он расстроен.

– Не, точно в сорок пятом! Наши в Берлин придут, а Гитлер сам отравится, и жену свою отравит. И вообще, они там все с собой покончат, а кто не покончит, того судить будут и казнят.

– Трус поганый! – голос Миши был полон презрения.

– Слушай, – переключился он, – а у вас правда никто не воюет?

– Нет, ну бывает, конечно, но не в России. Где-то на Западе... Или на Востоке. Я телек не смотрю, поэтому мало знаю.

– Что такое телек?

– Ну телек, телевизор! А! Точно, у вас же нет... Телевизор – это аппарат такой, по нему что хочешь можно посмотреть – кино, спортивные соревнования, музыку, концерты там всякие... Мультки для детей.

– Мультки? Что это?

– Это как фильмы, только нарисованные. Дети любят.

– Так странно у вас... – Миша говорил задумчиво, – даже не верится, что такое бывает. А что еще у вас есть интересное?

– Интересное... – Катя задумалась, чем бы его восхитить. Сейчас она поняла, что вещи, которые до сих пор восхищали ее, совсем не то, чем можно похвастать неискушенному мальчишке. Он не поймет прелести нового смартфона, крутого велика или возможности слетать за границу. И тут она вспомнила.

– Люди в космос летают, – с гордостью произнесла она, – На Луне были. Скоро на Марс полетят. А первый космонавт – Юрий Гагарин, наш, русский!

– Ничего себе! Вот бы увидеть!

– Ну, ты ведь увидишь, – она улыбнулась, обернувшись, – только тогда ты будешь уже совсем взрослым дядькой.

– Да-а... – задумчиво протянул Миша, – а еще что есть?
– Ну, еще много всего...

Они заболтались и совсем потеряли бдительность. Поэтому, когда Катя вышла из-за угла и увидела в пятидесяти метрах от себя немца, который нагло справлял малую нужду на монастырскую стену, она оторопела, взвизгнула и побежала в обратную сторону. Наткнувшись на Мишу, который не ожидал такого резкого разворота, Катя схватила его за рукав и потянула за собой, поскальзываясь и задыхаясь всхлипами от страха. Их спасло только то, что немец, наверное, долго натягивал штаны. Но вскоре они услышали за спиной крики, выстрелы, и поняли, что их будут искать.

Сердце выскакивало из груди. Теперь Миша тащил ее за руку, а она только успевала перебирать ногами. Внезапно он остановился оглядываясь, и попинал снег. У самой земли Катя увидела полукруглое оконце, забранное в кованную решетку. Стекло было разбито, но решетка плотно прилежала к проему. Это было окно в подвал, или что-то похожее. Остатки осколков Миша несколькими ударами валенка толкнул внутрь, и они вдвоем начали дергать решетку. Кате казалось, что вот-вот их схватят. Но тут решетка поддалась, Миша толкнул Катю внутрь через образовавшийся проем, и ввалился сам, упав на земляной пол. Не прошло и полминуты, как ноги в тяжелых ботинках протопали мимо потайного окна. Не зная языка, Катя по интонации догадывалась, что немцы ругаются. Они долго не уходили, отдалялись и воз-

вращались обратно. Катя прижалась к стене, мысленно прося высшие силы не позволить оккупантам найти их тайное убежище.

Она не умела молиться, но, от страха слова пришли на ум сами. "Господи, боженька! Пожалуйста, помоги нам, не позволь им нас найти! Пожалуйста! Пожалуйста!" Почувствовав рядом дыхание человека, Катя окликать его не стала, боясь выдать себя. Только протянула руку и нащупала холодную кисть. Она сжала пальцы, словно единение двух рук усилит мощностъ ее мольбы.

Девочка не знала, сколько прошло времени и только слушала, как оглушительно колотится ее сердце. Но вот на улице стихло, и Катя позволила себе пошевелиться.

– Ушли что ли? – услышала она Мишин шепот. Голос доносился от противоположной стены. Тогда кого она держала за руку?!

Мгновенно испугавшись, Катя пискнула и отбросила от себя неизвестную руку.

– Что у тебя там? – подозрительно спросил Миша, и Катя увидела темный силуэт – он двигался к ней.

– Тут кто-то есть! – дрожащим голосом ответила Катя.

– Кто тут? Говори, а то пришибу! – Миша произнес это так сурово, что Катя даже не сомневалась, он сейчас способен на это.

Глава 4

Незнакомец в углу тоненько всхлипнул. Это было так неожиданно, что у Миши разжались кулаки, а Катя, спотыкаясь, двинулась в сторону голоса. Тот, кто ревет, угрозы явно не представляет. Она нащупала голову с холодными ушами и мокрым от слез лицом, узкие плечи и длинные руки. Незнакомец сидел в углу на корточках и вставать не торопился.

– Ты кто? – спросила она у человека.

– Толя, – ответил ей срывающийся ломкий мальчишеский голос, – Толя Сурнин.

– А что ты тут делаешь, Толя Сурнин? – в свою очередь задал вопрос Миша.

Толя ответил не сразу. Он сопел, было件нятно, что он борется со слезами.

– Я тут... Я... Они... Бабушку убили... А я... Я знаю, как спуститься в подвал. Ну вот, я и убежал...

– И сколько ты тут сидишь?

– Не знаю, – Толя всхлипнул, – кажется третий день.

– Третий день?! – Катя в ужасе вскинула руки к щекам.

В каменном ледяном подвале с земляным полом за три дня мальчишка мог заработать воспаление легких.

Она прошлась руками по фигуре мальчика. На нем было тонкое драповое пальто, ледяные руки торчали из коротких рукавов. Шапки не было. Катя стянула с головы котошапку

и надела ошупью на мальчишку. Хорошо, что у нее есть капюшон на толстовке.

– Иди сюда! – она подтянула к себе мальчишку и обхватила его руками. Катя чувствовала, как дрожит измученный паренек. Ей стало его ужасно жалко.

– Ты же есть хочешь! – мысленно поблагодарив маму, она пошарилась в сумке, и достала ланч-бокс. Бутерброд пах просто восхитительно, и она проглотила слюну. Но мальчишка не ел три дня, а может и больше.

– Миша, как думаешь, можно чуть-чуть света?

– Можно, только где же мы его возьмем?

Катя достала телефон и включила фонарик. Яркости фонарика хватило на то, чтобы видеть друг друга.

– Это что у тебя? – Миша восхищенно смотрел на аппарат.

– Это? Телефон.

– Телефон? С фонариком?!

Катя посветила на незнакомого парнишку. Толя оказался худым до невозможности, угловатым мальчишкой лет тринадцати. Как она и думала, одет он был совсем не по погоде. Разломив бутерброд пополам, она протянула половину Толе, половину Мише. Миша взял свой кусок, в то время как Толя продолжал стоять, теребя завязки от шапки.

– Ну чего ты, бери, – ободряюще проговорила Катя, и мальчик неуверенно протянул руку и пошарил ею в пространстве. Толя был слеп. Она взяла холодную Толину кисть и вложила кусок ему в ладонь.

Толя начал есть, стараясь откусывать понемножку и не выглядеть слишком голодным. Не прошло и минуты, как половинка бутерброда исчезла.

– Вкусно, – первый раз за все это время улыбнулся мальчик.

– На, запей, – Катя открутила термос.

Чая хватило на всех. Сладкая горячая жидкость взбодрила и подняла настроение.

Катя подумала, что она ни разу в жизни не пила такой вкусный чай, и что мама, наверно, заварила его по какому-то особому рецепту.

– Надо отсюда выбираться, – проговорил Миша. Он ел будто нехотя, откусывая маленькими кусочками. Когда остался край шириной в два сантиметра, он всунул его Толе.

– На, доешь, не хочу больше, не выбрасывать же...

Толя поблагодарил почти шепотом и осторожно взял кусочек тонкими пальцами.

– Надо выбираться, – повторил Миша, – ясно же, что нет тут никаких твоих ворот...

– Миш, – Катя тронула друга за рукав, – вы идите, а я, наверное, останусь. Поищу...

– Что ты собралась тут искать? – Миша яростно посмотрел на нее, – только смерть свою найдешь, и все!

– Но мы еще не всё проверили...

– Они взорвут монастырь, дура, и откуда бы ты ни была, ты туда точно не вернешься!

После этих злых слов в холодном воздухе повисла тишина. Катя вдруг ощутила внутри себя пустоту и горечь.

– Слушай, – Миша подошел ближе, – ну прости. Но тебе правда нельзя оставаться. И потом, твои ворота ведь не настоящие, не из дерева, не из камня, их невозможно разрушить. Откуда ты знаешь, может они не исчезнут после взрыва. Потом придем снова, будем ходить тут кругами, пока тебе не надоест, а?

– Да-да, конечно, – голос девочки звучал безжизненно, хотелось плакать.

Толя внимательно слушал. Он явно не понимал, что тут происходит, но не вмешивался.

Решено было идти, когда совсем стемнеет. Катя выключила телефон, заряда оставалось всего два деления, и она понимала, что подзарядить аппарат у нее явно возможности не будет. Когда синева зимнего вечера сменилась чернотой ночи, они осторожно вылезли из укрытия. Миша первым высунул голову, осмотрелся, подпрыгнул, лег на живот и ужом выполз из узкого оконца. Потом, придерживая решетку, протянул руку.

– Толя, давай ты первый, – Катя взяла мальчика за руку, потянула к оконцу. И заметила, что он что-то держит в руке.

– Что там у тебя?

– Скрипка, – негромко ответил Толя.

И правда, в руке он держал кожаный футляр, старый, потрепанный.

– Ну, давай сюда свою скрипку, я подержу.

Она кое-как вытолкала мальчика наружу, он совсем обесилел и слабо дрыгал ногами, пока Миша с одной стороны тянул, а Катя с другой толкала. Следом просунула футляр, и Толя, нашарив его на снегу, крепко схватился, словно это была самая большая его ценность. Впрочем, возможно, так оно и было. Опершись руками, Катя резко подпрыгнула, повисла на краю и выползла из щели. Отряхнувшись, она встала.

– С той стороны не пойдем, – Миша махнул туда, где они уже один раз наткнулись на часовых, – давайте в обход.

Дорога в обход заняла в два раза больше времени. Кроме этого, еще приходилось придерживать Толю, который то ли от трехдневного сидения взаперти, то ли от облегчения, совсем не мог идти, бесконечно спотыкался и падал. Однако, он ни разу не пожаловался. Наверно боялся, что ребята бросят его посреди снежной ночи.

Когда они наконец-то добрались до Мишиного дома, Катя обрадовалась. Хоть передохнуть в тепле. Потом вспомнила, что в доме чуть-чуть теплее, чем на улице и вздохнула. Ну хоть снега нет...

Ребята крадучись вошли в ворота, Миша задвинул огромный засов и впустил их в дом. Тихо тикали часы. И все-таки, в доме было теплее. Даже можно было расстегнуть куртку. Что она и сделала.

Миша задернул занавески, долго искал и нашел пару све-

чей. Зажег одну. Толя всё стоял у входа.

– Ну чего стоишь-то? Заходи! – Миша раздраженно прикрикнул, потом опомнился. – А, ч-ч-чёрт, забыл! – он взял Толю под руку, завел в комнату, усадил на диван, скрипку положил ему на колени. Толя обхватил футляр как ребенка. Миша посмотрел на мальчика. Тот так и сидел, как его посадили, теребя в красных обветренных руках Катину шапку.

– Что-то ты, брат, совсем плохо одет. Ну-ка погоди!

Миша откинул крышку стоящего тут же сундука и достал оттуда большие черные штаны, свитер и шарф.

– Это отцово, – сказал он, – тетка бережет. Но отцу может и не пригодится... – Миша на мгновение замолчал, потом тряхнул головой, будто прогоняя мысли, – а тебе надо, а то ты, парень, точно заболеешь.

Вдвоем с Катей они помогли Толе одеться. Вид у него был забавный. Огромные, не по размеру брюки и свитер крупной вязки сделали его толстым, как ярмарочный борец. Миша порылся в вещах, нашел шерстяные носки и откуда-то притащил старые, в заплатках, валенки.

– Ну всё, теперь точно не замерзнешь, – удовлетворенно кивнул он головой.

– Спасибо, – тихо прошелестел Толя.

Они наскоро поужинали холодной картошкой, запили еле теплой водой.

– Эх, сейчас бы еще твоего чаю, – мечтательно проговорил Миша.

Толя улыбался, но было видно, что он смертельно устал.

– Давайте-ка спать, утро вечера мудренее, – распорядился хозяин дома. – Толя, ты спи на диване. Катя, ты на кровати.

– А ты?

– А я на полу, – успокоил Миша. Он притащил с печки тюфяк, такой же старый, как все в доме, бросил его на пол и лег.

Катя присела на кровать. Откуда-то вынырнул кот, прыгнул на кровать, и, потоптавшись на одеяле, лег, свернувшись клубком. Свеча отражалась в его глазах и Кате казалось, что он все понимает.

– Миша...

– М-м? – сонно откликнулся Миша.

– А кота как зовут?

– Кота? – Миша немного подумал, – Пушок.

– Какой же он Пушок? – Катя хихикнула, погладив облезлый бок кота, – он же лысый почти.

– Ты бы от такой жизни тоже полысела, – ворчливо ответил Миша.

Да уж. У кота жизнь тоже была нелегкая. Решив, что раздеваться необязательно, она сняла ботинки, и, подтянув ноги к животу, моментально уснула.

Глава 5

Она проснулась от прикосновения, и, открыв глаза, тут же увидела Мишу.

Лицо его было настороженное. Она хотела что-то спросить, но он положил ей ладонь на рот и помотал головой – молчи! Катя прислушалась – за окном творилось что-то страшное. Кричали люди, плакали дети. Она резко встала, надела ботинки. Миша подкрался к окну, отвернул угол занавески и посмотрел на улицу.

– Фашисты. Людей куда-то погнали. Уходить надо, притом срочно. Буди скрипача.

Но Толя не спал, и тут же сел, услышав слова Миши. Лицо его было испуганное. Он натянул Катину шапку и схватил футляр, как будто был готов сорваться и бежать прямо сейчас.

– Так, не дергаемся, – голос Миши был тих и спокоен, но Катя понимала, что это спокойствие для нее и для Толи. – Сейчас они уйдут, и мы убежим. Я знаю место, где можно спрятаться.

Но переждать им не дали. Бухнула сенная дверь, и тут же распахнулась дверь в дом. В проеме показались двое в форме с автоматами наперевес.

– Валим, валим! – Миша отдернул штору и ударил по окну. Створки окна распахнулись, и он в один миг оказался

снаружи.

Катя рванулась за ним и уже была почти на улице, когда услышала Толин крик. Мальчишка верещал как заяц, пойманный в силоч. Катя обернулась – один из немцев, старый, худой, схватил Толю и тащил его. Толя волочился по полу и слабо отбивался, но было тщетно.

– Ах ты урод! – Катя оттолкнулась от подоконника и полетела ногами вперед. Паркурский опыт пригодился. Сбив фашиста ударом обеих ног, она перекувырнулась через голову и вскочила. Немец упал на пол и застонал – похоже, что Катя разбила ему нос и выбила пару зубов. Он плевался кровью, ругался, но вставал, перехватывая автомат.

– Ну-ка дай! – Катя выхватила у Толи футляр, размахнулась и изо всей силы ударила немца по башке. Немец икнул, упал навзничь и больше не шевелился.

Замахиваясь футляром, скаля от страха и возбуждения зубы, Катя обернулась ко второму фашисту, который почему-то не помогал своему напарнику, а стоял столбом. Она была готова молотить его футляром до смерти, но увидела немца и замерла. Перед ней стоял мальчишка. Высокий, худой, белобрысый. Он был бы похож на Толю, если бы не форма и автомат на тощей шее, который он даже не пытался схватить.

– Только двинься, как врежу! – предупредила Катя.

Немец открыл рот и что-то сказал. Катя не поняла и снова замахнулась. Немец снова что-то произнес, и чтобы его по-

няли, махнул рукой на окно, уходите, мол. Катя не стала дожидаться, пока он передумает, схватила Толю, который так и лежал кулем на полу, вытолкнула его в окно и выпрыгнула сама. Следом за ними серой тенью выпрыгнул Пушок. Последнее, что она увидела, это как немец махнул ей рукой. Кажется, даже по-дружески. Станный какой-то...

Им повезло, что по улице колонну людей уже прогнали. А то бы они выпали прямо в лапы к фашистам. Миша потащил их какими-то закоулками, и вскоре вывел к домам, которые могли бы называться многоэтажками. Наверное, это был самый центр города, раз тут стояли такие дома.

– Я думала, у вас нет таких домов, – на бегу сказала Катя. Миша бежал и смотрел на номера. Они проскочили дом номер восемь, и номер десять, и номер двенадцать. У дома номер четырнадцать Миша остановился, осмотрелся и побежал к подъезду. Катя за ним, таща за руку спотыкающегося Толю. Сзади, истошно мяукая, бежал Пушок. Катя остановилась и подхватила кота. Он тут же забрался повыше на грудь и обхватил ее лапами. Очень умный кот.

В подъезде они не пошли вверх, а наоборот, спустились вниз. Катя с удивлением увидела, что в подвале была котельная. Наверно, раньше не было центрального отопления. Миша все шел и шел, пока не наткнулся на еще одну дверь.

Дверь была железная, тугая, она со скрипом отодвинулась, и ребята проникли внутрь. Миша закрыл дверь и задвинул длинный железный прут – щеколду.

Обессиленные, они упали на пол. Помещение было совсем маленькое, скорее всего, это был чулан для хранения лопат и другого инвентаря. Под низким потолком чулана светилось небольшое окно-воздуховод.

– Толя, ты как? – Катя заглянула мальчику в лицо.

– Все хорошо, – ответил он и пожал ее руку в знак благодарности. – Спасибо тебе, – прошептал он.

Катя потрепала его по плечу и вдруг, краем глаза заметила шевеление в углу. Она резко обернулась – за дверью стояли две девочки, одна постарше, лет десяти, другая совсем малышка. В подвале было темно, свет проникал только через окошко, но и при таком скудном свете Катя видела, как блестят огромные глаза старшей девочки. Она поднялась и пошла к ним. Младшая испуганно уткнулась старшей в живот.

– Не бойтесь меня, – Катя протянула вперед руку, – я вас не обижу.

Она подошла к ним и присела на корточки.

– Смотри, – тронула она младшую за руку, – кто у меня есть!

Любопытная малышка отлепилась от живота старшей и посмотрела на Катю. Катя отцепила от себя кота.

– Смотри, это Пушок. Хочешь его погладить?

Она протянула кота девочке, и та осторожно коснулась ушей кота. Пушок прижал уши, но не сопротивлялся, а покорно висел в руках Кати. Осмелев, девочка погладила кота по спине, и тот, неожиданно, замурлыкал. Девочка засмея-

лась.

– Ну вот видишь, ты ему нравишься, – облегченно проговорила Катя.

Пока маленькая забавлялась с котом, Катя заговорила со старшей.

– Вы кто?

Девочки были похожи, сразу видно, сестры.

– Я – Шура, – ответила старшая девочка в полголоса, – а вот она – Маруся.

– А тут как оказались?

– Немцы пришли к нам...

– Домой?

– Нет, в детский дом.

– Вы жили в детском доме?

– Да.

– И что дальше?

– Немцы пришли, велели всем собираться. Мы собрались. Воспитательница Нина Ивановна сказала, что мы пойдем на площадь. А потом, когда мы шли, она мне сказала, как немцы отвлекутся, бежать и прятаться.

– И вы сбежали?

– Да, маленький Ваня заплакал, Нина Ивановна взяла его на руки, немцы ругались. Я схватила Марусю и забежала в ближайшую дверь. А потом сюда...

– Ты большая молодец! – Катя погладила девочку по темной головке.

Она оставила девочек играть с котом. Маруся перестала хныкать, начала что-то щебетать, забываясь и переходя на громкий голос. Сестра шикала на нее, и малышка закрывала сама себе рот ладошкой.

Катя подошла к Мише, стоящему у маленького оконца. Он напряженно прислушивался. На улице бегали немцы, ездили машины, кто-то громко переговаривался и слышалась автоматная стрельба.

– Чего это они засуетились? – хмуро произнес Миша, – странно это.

Катя почувствовала прикосновение – за спиной стоял Толя.

– Дайте я послушаю, – попросил мальчик.

Миша пододвинулся, Толя встал рядом. Он долго слушал, потом лицо его просветлело.

– Наши идут!

У Кати екнуло в сердце.

– Что ты слышал? – Миша повернул Толю к себе, – откуда знаешь?

– Я по-немецки понимаю, – ответил Толя, – немцы хотят уходить!

Внезапно до Кати дошел смысл сказанного, и она в ужасе распахнула глаза.

– Немцы убьют всех, кого согнали на площадь! И город взорвут! Весь!

В это время раздался оглушительный удар. Снаружи в же-

лезную дверь колотили и пытались открыть. Испуганные девочки подбежали к Кате, она обняла их, хотя сама напугалась так, что сердце отрывисто колотилось где-то в горле. Маруся снова заплакала, Шура вжимала ее лицо себе в живот, чтобы те, кто ломился с той стороны, не услышали плача. Толя прижался с другого боку, но Катя заметила, что футляр он держал в этот раз не оберегая, не закрывая своим телом, а как оружие, готовясь ударить первого, кто подступится. Смелый юный мужчина...

Миша выступил вперед. Железная дверь вибрировала и гремела, но открываться не спешила. Толстый засов крепко держал оборону. Неизвестно зачем засов был сделан с этой стороны, но сейчас он спасал несколько жизней. Снаружи еще постучали, было похоже, что дверь открывали плечом и ногами, но, поняв тщетность, ушли. Ребята боялись поверить в везение. Оставив Катю с девочками, Миша и Толя вернулись к окну. Они слушали, и о чем-то шепотом переговаривались.

Катя с ужасом думала о том, что назавтра города не будет. Скорее всего, и людей не будет, потому что она уже поняла, немцы не шутили. Смерть и страдания – вот что значит война. Смерть. И страдания. Страх. Разрушение. Ничего не останется. Ничего не останется...

... Дом Титовых... На Советской.

– Миша! – Катя крикнула это почти в полный голос, и Миша, испугавшись, развернулся к ней.

– Что? Что случилось?!

– Дом Титовых! На Советской!

– Каких Титовых? – он непонимающе сморщил лоб, а Катя махала руками, захлебываясь словами.

– Нам рассказывали... на экскурсии, помнишь, я тебе говорила... город будет разрушен... только один дом останется цел! Дом Титовых на Советской!

Он ее понял с полуслова.

– А номер дома помнишь?

– Номер... нет, не помню... – Катя растерянно посмотрела на друга.

– На Советской много домов, – Миша деловито почесал макушку, – вспоминай, где именно этот дом? Может что-то рядом помнишь?

– Помню! Рядом кирпичное здание, нам говорили, до революции там была монастырская гостиница.

Они дождались, когда на улице стихло. Миша пошел на разведку, велел им запереться на щеколду, но быстро вернулся, сообщив, что улица пуста. Ребята выбрались из дома. Было уже совсем темно. Пять темных фигур двигались вдоль домов, принося к земле каждый раз, когда замечали движение. Маруся быстро устала, и Миша взял ее на руки.

Девочка обхватила его за шею и тихонько дышала в щеку. Катя подхватила Толю, а Шура несла кота. Дети не дошли до нужной им улицы пару сотен метров, как вокруг разверзся ад. Взрывы начались издалека, но все приближались и при-

ближались. Дома рушились, уши заложило, глаза чесались от пыли и дыма.

Миша бежал вперед, прижимая к себе ребенка. Внезапно он остановился, и Катя почти врезалась в него.

– Вот Советская, – парень задыхался от бега и дыма, – где твой дом?

– Двухэтажное кирпичное здание, – повторила Катя, кляня себя, что невнимательно слушала экскурсовода. В это время небо озарилось ярким светом – горел монастырь. Ребята замерли, глядя на зарево.

– Вон! Вон кирпичный дом! – крикнула Шура, указывая рукой.

Они пробежали мимо кирпичной двухэтажки и тут же увидели деревянный дом с номером двадцать три.

– Он? – Миша смотрел на Катю.

– Не знаю... Наверно...

– Будем надеяться, что это он. Быстро заходите!

Дети вошли в ворота. От взрывов в доме повывлетали стекла и занавески колыхались на ветру.

Рядом с домом стоял сарай. Дочатая дверь стучала об косяк. В сарае, как ни странно, было тепло. Наверное, из-за сена, которое занимало большую половину. На улице по-прежнему гремело и сверкало. Миша вырыл в сене ямку и посадил туда Марусю. Девочка тут же начала плакать. Шура села рядом, стала гладить сестру по голове.

– Я хочу кушать, – расслышала Катя.

– А у меня смотри что есть! – веселым голосом произнесла она и жестом фокусника достала шоколадку. Стараясь разломить поровну, Катя разделила батончик. Малышка с восторгом проглотила свой кусочек и облизала ладошку.

Маленького кусочка шоколада было недостаточно, чтобы унять голод, но Маруся успокоилась и даже повеселела. Серый Пушок облазил весь сарай в поисках добычи. Тут пахло мышами, но он никого не поймал, наверно мыши сбежали, испугавшись шума.

Кот потоптался среди детей и сел рядом с Катей. Девочка погладила смышленное животное и переложила его рядом с Марусей. Кот не стал сопротивляться, понял, кого надо греть и успокаивать.

Примяв пахнущее летом сено, они устроились рядышком. Миша закрыл глаза. Кате показалось, что он уснул. Она тихо прикоснулась к его руке, и он тут же схватил ее за пальцы. Его руки были теплыми, наверно, первый раз за все это время.

– Катя! – позвала Маруся.

– Что? – откликнулась Катя.

– А мы умрем?

– Нет, не умрем.

– И нас фашисты не убьют?

– Нет, не убьют.

– И не взорвут?

– Нет.

– И не застрелят?

– Нет!

– А мама умерла...

– Маруся! – Шура первая потеряла терпение, – мама умерла не от немцев!

– А от кого?

– Так! – Катя решительно прервала этот разговор, – хватит про немцев! Смотри! – она достала телефон и сунула его Марусе, – это игра такая. Гляди, надо нажимать шарики, и они будут лопаться.

Маруся восторженно тыкала пальцем в гаджет, а Катя подумала, что дети в любом времени одинаковые.

– А я знаю его, – тихо произнесла Шура, указывая на Толю, который отрешенно сидел неподалеку – он на площади играл, еще до войны. У него рубашка белая была и бабочка.

– Толя, – Миша вдруг открыл глаза, – ты можешь что-нибудь сыграть?

Толя молча встал, открыл футляр и вынул скрипку. Привычным жестом приложил инструмент к подбородку, прикрыл глаза и приложил смычок к струнам. Из-под смычка полилась мелодия, такая нежная и тихая, но Кате показалось, что она не слышит ничего, кроме этой музыки. Толя играл, а из-под прикрытых его глаз катились слезы.

На улице, действительно, стало тише. Взрывы еще слышались, но вдалеке. Маруся так и уснула, с телефоном в руке. Толя тоже спал, положив щеку на футляр. Шура сняла

платок. Под ним оказались чудной красоты косы. Катя тоже сбросила капюшон.

– Ой! – увидев ее, Шура ахнула и приложила ладонь ко рту, – что с тобой?

– А что со мной? – Катя испугалась и начала ощупывать себя, может она ранена?

– Что с твоими волосами? Тебя немцы так?!

Катя пригладила взъерошенную прядь.

– Это мода такая, – буркнула она.

– Мода? – Шура смешливо наморщила лоб, – чтобы, с одной стороны, лысо? У нас в детдоме так мальчишек брили, которые не хотели подстригаться. Сбреют одну сторону, им деваться некуда, идут и вторую добривают.

Катя сначала хотела обидеться, но передумала. Действительно, мода в ее времени была странная и непонятная для многих. Просто люди привыкли к странностям и почти не удивлялись.

– У тебя очень красивые волосы, – сказала она Шуре, и девочка улыбнулась.

– У Маруськи волосы папины, редкие, – проговорила она вдруг, – а у меня мамины. Мама Маруське мазала голову репейным маслом, чтобы волосы росли, а они все равно не росли, – засмеялась девочка.

– А ваши родители где? – спросила Катя, и тут же пожалела о своих словах. Но Шура, помолчав, все же ответила.

– Папа ушел на войну в тридцать девятом. Я помню, как

он собирался, курил на кухне, шепотом разговаривал с мамой. Потом папа оделся, поцеловал нас с Марусей, обнял маму и ушел. И больше не приезжал. А мама заболела в тридцать девятом, ее увезли в больницу и... всё.

Девочка помолчала и добавила:

– Но папа жив! Когда солдат умирает, то приносят похоронку, а нам ничего не приносили!

У Кати заныло внутри, ей стало страшно. Она даже представить не могла, как бы жила она, если бы вдруг ее родителей не стало.

– Потом к нам пришли тетеньки, сказали, чтобы мы собирались в детский дом, – продолжила Шура. Голос ее был тих, она не плакала. – Маруся совсем не помнит маму, – грустно добавила она.

Катя обняла Шуру.

– Ты очень смелая, – сказала она, – самая смелая девочка из всех, кого я знаю.

Шура улыбнулась и прикрыла глаза. Наверно, ей хотелось побыть наедине со своими мыслями.

– Тебе бы тоже пошли длинные волосы, – шепотом сказал Миша.

– Да? – Катя зарделась, радуясь, что в темноте не видно ее глупого румянца.

– Ага. И платье. Голубое. С туфельками. В ваше время девочки носят платья?

– Носят.

– Это хорошо...

Они лежали рядом, и сквозь шум снаружи она слышала, как ровно и чисто стучит его сердце. Этот стук убаюкивал, успокаивал, и Катя прикрыла глаза. Засыпая, она почувствовала, или, быть может, ей показалось, теплое дыхание на щеке. Наверное, показалось...

Катя открыла глаза. Было тихо. Она осмотрелась – под ней был старый диван с отломанным подлокотником. И вообще, сарай был завален сломанной мебелью. Никакого сена не было и в помине. Она соскочила с дивана, натянула капюшон и вышла. Солнце ярко отражалось от снега и глаза невыносимо слепило. Девочка осмотрелась – голубого дома не было. На его месте строилось что-то, лежали три ряда кирпичей, стояла бетономешалка. Она бросилась к воротам и столкнулась с мужчиной. Мужчина был азиатской внешности и разговаривал с акцентом.

– Тебе чего, девочка? Уходи, сюда нельзя!

Катя бросилась из ворот, пробежав некоторое время, потом остановилась и осмотрелась. Она вернулась. Казалось бы, она должна радоваться, но на душе была печаль. Из-за угла выехала машина с номером на крыше, она махнула рукой и такси остановилось. Объяснив, куда ей надо, Катя отвалилась на подголовник и прикрыла глаза.

Таксист привез быстро, взял оплату и укатил. Найти мемориал было несложно – оттуда играли песни военных лет. Катя почти сразу увидела и одноклассников, и учительницу.

Аннапална тоже увидела ее и через толпу начала пробираться в Катину сторону.

– Котова, ты что, решила сегодня поставить рекорд по сведению меня с ума? Где ты была?! Ты пропустила всю реконструкцию! Иди быстро в первый ряд, и чтобы больше никаких выходов! Я за тобой слежу!

Историчка сверкнула глазами и умчалась.

Перед мемориалом выступали какие-то общественные деятели, пели люди в народных костюмах. А она стояла и смотрела, думая о своем. На сцену вышел пузатый мужик в костюме, что-то долго говорил.

– ... а сегодня, в этот торжественный день, нас посетила Мария Николаевна Эркерт, в девичестве Емельянова. Мария Николаевна была совсем маленькой, когда немецкие оккупанты, покидая город, разрушили Истру до основания, но ей удалось спастись. И о своем чудесном спасении она сейчас нам расскажет.

Послышались жиденские аплодисменты, и на сцену вышла пожилая женщина. Она была аккуратно одета, красиво подкрашена и улыбалась. Катя замерла, глядя на нее. Маруся... Это была Маруся. Вчерашняя маленькая Маруся с измазанными шоколадом губами.

Старушка обвела взглядом школьников и увидела Катю. Она побледнела и на минуту перестала улыбаться, но потом взяла себя в руки и заговорила. После выступления, получив пару дежурных букетов, пожилая женщина спустилась

со сцены и, будто стесняясь, подошла к Кате.

– Я тебя сразу узнала, – произнесла Катя шепотом, вглядываясь в лицо женщины-Маруси. Старушки-Маруси.

– Я тебя так и запомнила, – ответила ей Маруся. – И надеялась, что увижу тебя еще раз.

Она открыла сумочку, висящую на руке, и достала откуда сверток. Развернув платок, она протянула Кате телефон. Аппарат выглядел так же, как и раньше, разве что был слегка потерт.

– Он тогда почти сразу перестал работать, – сказала Маруся, – но я хранила его все это время.

Вокруг них стояли школьники, раскрывшие рот от удивления – пожилая дама и девочка беседовали как давние друзья. Катя взяла Марусю под руку и вышла из толпы.

– Как ты жила все это время? – спросила она, хотя хотела спросить совершенно другое. Она хотела спросить про Мишу. И Толю. И Шуру. Она хотела знать о них всё.

– Хорошо жила, – улыбнулась Маруся, – после войны закончила школу, поступила в институт. Я врач! – гордо произнесла она. – И я вышла замуж. За немца! Представляешь! – Маруся хихикнула. – Я! За немца! Но он хороший, мой Керт, очень хороший! У нас трое детей – Александр, Виктор и Катарина. И у меня есть внуки, замечательные детишки!

– А Шура?

– Шура жила здесь, работала учительницей.

– Жила?

– Да, – голос Маруси стал печальным, она умерла три года назад.

– Мне так жаль, – Кате хотелось плакать.

– Она прожила очень достойную жизнь, – сказала Маруся и взяла Катю за руку, – и она до самой смерти помнила о тебе.

– А...

– Миша? – Маруся поняла вопрос без слов, – про него я, к сожалению, ничего не знаю. Его отец вернулся с войны, забрал Мишу и уехал.

Катя проглотила горький комок в горле.

– А Толя?

В это время люди у сцены захлопали, и Катя с Марусей повернулись посмотреть, что там. Женщина представительного вида вышла вперед и объявила в микрофон:

– По традиции, оркестр духовой музыки исполняет произведение нашего земляка, скрипача и композитора, Анатолия Сурнина, которое он написал в честь девочки, спасшей ему жизнь. Произведение называется "Каприс для Кати"

Катя замерла, а со сцены зазвучала музыка. И она снова вернулась туда, к смелому и доброму Мише, к воздушному и трогательному Толе, к отважной Шуре и забавной Марусе. Они обнимали ее, верные невидимые друзья.

Живая Маруся обняла ее и прижала к себе.

– А ведь нашего дома нет, – печально произнесла Катя.

– Нет, – откликнулась Маруся, – я тоже первым делом хо-

дила его навестить. А там стройка какая-то. Снесли нашего спасителя. Разрушили. Немцы не смогли разрушить, а свои разрушили.

Когда группа школьников шла к автобусу, Катя держалась в стороне.

– Катюха, – подскочила Яна, – это что за бабка? Откуда ты ее знаешь?

Катя хотела что-то ответить, но тут Яна развернулась резко в сторону, выбросила руку вперед и крикнула "Хайль Гитлер!", и засмеялась. Катя дернулась, а увидев рядом толпу людей в немецкой форме, испугалась. Один из "немцев", пожилой, со щетиной, бросил на землю сигарету и строго погрозил Яне пальцем. Это были актеры из реконструкции. Кате казалось, что сердце колотится где-то в горле. От этого было трудно дышать.

Все сели в автобус, Катя пересела на свободное сидение и отвернулась от подруги. Говорить не хотелось. Она перебирала в голове образы и мысли, от этого хотелось плакать. Нашупав в кармане свернутый лист бумаги, она сжала его крепко, словно это была ладонь друга. На этом листке Маруся написала свой адрес и телефон.

Домой вернулись затемно.

– Ну что, было интересно? – мама с любопытством рассматривала дочку, которая рассеянно расшнуровывала ботинки. – А шапка где? А перчатки? Эх ты, маша-растеряша!

Мама погладила ее по волосам.

– Ну давай, умывайся и приходи ужинать.

Катя прошла в комнату и, с замиранием сердца, вставила зарядку в телефон. Телефон моргнул и начал заряжаться.

Умывшись, она посмотрела на себя в зеркало.

– Ма-а-м! Мам!

– Ну чего ты кричишь? – мама показалась в дверях.

– Мам, волосы долго будут отрастать?

– Не дольше жизни, – мама улыбнулась, – а что, ты решила прическу сменить?

Катя молча кивнула.

– Мам, – спросила она чуть погодя, – как думаешь, можно разыскать человека, если знаешь только его имя, фамилию и год рождения?

– Ну не знаю, – мама задумалась, – можно попробовать. Нового друга разыскать хочешь? – мама хитро улыбнулась.

– Угу.

А сколько нашему другу лет?

– Девяносто один...

Часть 2. Каприс для Кати. Привет, Миша!

Глава 1

Если бы не ракеты и самолеты, которые здесь были на каждом шагу, город был бы похож на сотню других маленьких городков. Но это был Жуковский. Катя всмотрелась в экран телефона, где на карте непонятно вилась дорога. Читать карты она никогда не умела, и очень пожалела, что от вокзала не взяла такси, а самоуверенно уселась в маршрутку. Теперь вот приходится топтаться на месте, выискивая тот самый дом. Район, в который она забралась, выглядел уныло. Серые одинаковые пятиэтажки, старая остановка, на которой она и вышла из маршрутки, какая-то здоровенная труба за домами. На фоне этой серости разноцветные иномарки смотрелись чужими.

– А не подскажете? – Катя протянула руку с зажатым в ладони телефоном к проходящей мимо пожилой женщине с ребенком в сидячей коляске, – дом номер восемь.

– Так вон он, – женщина указала на одну из "панелек" ярко-желтой пластмассовой уткой-каталкой на длинной ручке, – вход с той стороны, обойдите лучше справа, потому что

слева длинный забор.

Катя кивнула в знак благодарности. Женщина удалялась, толкая коляску, а Катя подтянула лямку белого рюкзака и направилась в сторону нужного дома.

Мама нашла нужный адрес. Архивная справка сообщала, что в августе сорок пятого Григорий Васильевич Новик вернулся в родной город, а спустя полгода, вместе с сыном Михаилом, перебрался в Стаханов. Кроме этого, мама принесла копию из какой-то старой регистрационной книги, что Новик Михаил Григорьевич стал одним из первых слушателей школы летчиков-испытателей.

Все это случилось три дня назад, а сегодня она стояла напротив старого дома и не решалась войти в подъезд. Наконец, собравшись с духом, она открыла скрипучую дверь и вошла в темноту. Лифта, конечно, не было. Судя по бумажке, ей нужно было в четырнадцатую квартиру. Катя подняла глаза, глядя на уходящую вверх лестницу. Ей на четвертый этаж.

Подъезд, как ни странно, был чистый. Наверное, потому что тут не было мусоропроводов, от которых вечно воняет. Старый дом со старыми жильцами. В старом районе. Катя забралась на четвертый и встала напротив металлической двери. Дверь была вполне современная, как и домофон на подъезде. Она еще раз взглянула на бумажку и, волнуясь, нажала кнопку звонка. Внутри истошно зачирикала адская канарейка. Не прошло и минуты, как внутренний замок заскри-

пел, открываясь, и перед Катей предстала пожилая женщина в фартуке. Из квартиры пахло едой, и Катя сглотнула слюну, почувствовав, что проголодалась.

Женщина смотрела вопросительно, Катя помялась и, как можно вежливей, произнесла:

– Здравствуйте! А Миш... Михаила Новика могу я увидеть?

Женщина очень удивленно приподняла бровь, потом повернулась в сторону комнат и позвала:

– Михаил, выйди, к тебе пришли!

Катя замерла в нетерпении. Она непроизвольно поглядывала туда, куда крикнула женщина, оттуда раздавалось какое-то шуршание, но никто не выходил.

– Да вы заходите, девушка, – опомнилась хозяйка, – он вечно ничего не слышит, не дозовешься. Мика! – крикнула она еще раз, – выйди, говорю, к тебе пришли!

В комнате скрипнуло кресло, очевидно, с него встали, потом раздался звук падения какого-то предмета и тихая ругань. Из дверей важно выплыл крупный пушистый кот, посмотрел на Катю и удалился в кухню, а следом за котом вышел, отряхивая футболку на животе, парень.

– Ты спал что ли? – удивленно спросила женщина.

Парень помотал головой.

– Комп чистил, – ответил он, – а этот дурак – наверняка он имел ввиду кота, – уронил твой фен.

– Сломал?! – ахнула женщина.

– Да нее, – парень мотнул головой, – все норм.

– К тебе пришли, – повторила женщина, указала на Катю и удалилась следом за котом.

– Привет, – само собой, парень был ошарашен неожиданным визитом.

Катя зажмурилась на секунду. Плохая была идея, искать Мишу, очень плохая. Человеку девяносто один год, если он не умер от старости, то, скорее всего, себя-то не помнит, не то, что ее. А теперь надо как-то объясняться с его родственниками и быстренько сваливать.

– Новик Михаил Григорьевич тебе кто? – спросила Катя.

– Прадед, а что? – парень явно пытался понять, чего от него хотят.

– Ну-у... – Катя на ходу старалась сочинить что-то правдоподобное, – я... мы... Изучаем историю Истры, там про твоего деда было, и мы решили найти его...

– Мы – это кто? – спросил парень, вытирая ладони о джинсы.

– Ну-у... Поисковики... – выдала Катя радостно, довольная, что вовремя вспомнила слово.

– Ничего себе, – парень все еще находился в недоумении, – а мы ничего про Истру не знаем, только то, что он оттуда и все.

– А, ну ладно, – Катя шагнула к двери, – тогда я пойду.

– погоди! – он махнул рукой и позвал: – Ба! Иди сюда!

Женщина в фартуке вышла, вытирая руки белым вафель-

НЫМ полотенцем.

– Она про деда спрашивает, – парень показал на Катю.

– Про деда?! – удивилась женщина, – про Николая?!

– Да нет, – поправился парень, – про прадеда, про Михаила.

– Про папу?! – голос женщины понизился почти до шепота.

Катя поняла, что влипла. Она обреченно кивнула, видя, что женщина ждала ответа.

– Да вы проходите! – женщина вдруг засуетилась, – Мика, ну-ка помоги девушке!

Парень неловко протянул руку и попытался помочь Кате снять рюкзак. Катя стряхнула лямки, позволив ему подхватить сумку, потом наклонилась и стянула кроссовки.

– Пообедайте с нами, – пригласила женщина, – и поговорим заодно.

Под борщ и котлеты с макаронами Катя выложила придуманную версию. Женщина, оказалась Мишиной дочерью, ее звали Ниной, ахала и удивлялась. Катя рассказала ей почти все, естественно, кроме ее, Катиного, непосредственного участия в событиях.

– Надо же, – Нина вытерла повлажневшие глаза уголком полотенца, – а ведь мы совсем ничего не знали про папу. Мама не рассказывала, наверное, она тоже не знала, они ведь здесь, в Жуковском уже познакомились.

– А когда он... – Катя, прежде чем спросить, проглотила

сухим горлом слюну, – ну... умер?

– Давно, деточка, – Нина вздохнула, – я ведь его совсем не помню, мне был один год, когда папы не стало. Коле, брату, пять лет было, он говорил, что помнит отца. Но что он, пятилетка, мог запомнить? Мы больше по рассказам мамы. Ей всего двадцать восемь было, когда она осталась одна с нами, замуж больше не выходила, жила памятью. Очень она его любила. Она ведь совсем недавно умерла, в позапрошлом году, восемьдесят четыре ей было. Прожила всю жизнь с его именем, и умерла с его именем на губах.

Кате очень захотелось домой. Она влезла совсем в другую историю, историю отношений мужчины и женщины. Мальчишки, с которым она познакомилась холодной военной зимой, который спасал ее не раз, и в которого, теперь можно было уже признаться, она влюбилась, давно не было. А был мужчина, нашедший свою судьбу. Что ж, пожалуй, дальше искать не имеет смысла.

– Спасибо, – Катя встала с белой табуретки, – очень интересный рассказ. Ну, мне пора, еще надо на электричку успеть.

– Успеешь, – улыбнулась Нина, – они ходят почти каждый час.

– Мика! – крикнула снова Нина, подзывая внука, – иди-ка, проводи девушку!

– Да я сама... – Катя пыталась отказаться от нежеланного провожатого, но Нина помотала головой.

– Пусть проводит, мало ли что.

Другой Михаил Новик, которого звали детским именем Мика, вышел из комнаты с очень недовольным лицом. Он сердито взглянул на бабушку, но, встретив каменное лицо, наклонился, чтобы надеть обувь. Катя натянула кроссовки, завязала шнурки и накинула на спину рюкзак.

– Спасибо, – еще раз повторила она, – до свидания.

– До свидания, – махнула ладонью Мишина дочка, – до свидания, Катюша. Удачи тебе, хорошим делом занимаешься, не то, что некоторые, целыми днями штаны просиживают за компьютером.

– Ну конечно, – обиженно пробубнил Мика, – никак не могла сдержаться...

Глава 2

Но дверь уже захлопнулась, и они остались в подъезде одни.

– Пошли, – парень махнул головой и начал спускаться.

– Да ты можешь не ходить, – сказала Катя, – иди в беседке пересиди, вернешься через полчаса.

– Да ладно, – Мика засунул руки в задние карманы джинс, – правда, хоть погуляю. А поехали, я тебе город покажу.

– Я на электричку опоздаю, – Катя глянула на часы в телефоне.

– Ты и так опоздаешь, – ответил Мика, – она отходит через двадцать минут.

– Откуда знаешь?

– Да я сам из Москвы, – Мика легонько развернул и подтолкнул ее к остановке, – родители отправляют каждое лето, говорят тут воздух чище, да и бабушке надо помогать. Сейчас легче стало, а когда прабабушка была жива, Нина постоянно с ней рядом сидела. Вот мы и ездили с сестрой по очереди.

– У тебя сестра есть? – почему-то удивилась Катя.

– Ага, старшая, – ответил Мика, – на пять лет.

Подъехала маршрутка и они вошли внутрь. Мика протянул водителю купюру и забрал сдачу и два билета.

– А я что-то не поняла, кто у вас кому родственник, – произнесла Катя, когда они сели рядом. В окне мелькали дома поновее, стало больше машин, маршрутка выехала в центр города.

– А чего непонятного? – Мика вертел в руках билеты, накручивая их на палец, – у прабабушки Вали было двое детей – Коля и Нина. Коля, это мой дед, он умер давно, мне шесть лет было. У Нины детей не было, и она всю жизнь воспитывала моего отца и присматривала за прабабушкой. Поэтому я зову ее бабушкой. У меня есть еще две бабушки, одна, мамина, живет в Казани, а вторая, папина, в Москве.

– Понятно, – Катя слушала и смотрела в окно.

– Это "Метеор", – Мика указал в окно маршрутки, – пошли.

Маршрутка уехала, постреливая выхлопными газами, и ребята перешли дорогу.

– Дед и бабушка Валя здесь познакомились, – сказал Мика. – Дальше парк культуры, мы часто сюда ходили, когда я маленький был. Бабушка Валя тогда еще ходила, и она водила меня показывать, на какой скамейке они с дедом сидели.

– Представляешь, – произнесла Катя задумчиво, – она с ним прожила всего шесть лет, и без него шестьдесят, и все время любила... Наверное, он был какой-то особенный...

– Не знаю, – Мишин правнук пожал плечами, – по-моему, это глупо. Она могла бы выйти замуж, молодая же еще была. А она всю свою жизнь отдала покойнику.

– Тебе сколько лет? – вдруг спросила Катя злым голосом. Этот парень ее откровенно бесил.

– Семнадцать, а что?

– Ты – придурок, – сообщила она ему и прибавила шагу.

– Сама такая, – добродушно парировал парень, – ну что, я не прав что ли?! Ты вот себя на ее место поставь! Смогла бы жить памятью о человеке всю жизнь?

– Она любила его! – ответила Катя. Ей казалось, это главный аргумент.

Мика ничего не ответил.

Они вошли в парк. На город опускались сумерки, и, хотя было достаточно тепло, но поднялся ветер, и Катя начала зябко поеживаться. Не хватало еще под дождь попасть.

– Поехали на вокзал, – решительно сказала она, – давай такси поймаем.

– Сейчас через парк пройдем, – ответил Миша, – там у выхода их много.

Они двинулись по аллее между деревьями. Вдалеке показалась арка.

– У местных есть легенда, – усмехнулся Мика, – что если посчитать все дома с арками в городе и пройти через одну из них, то станешь пилотом. Тут все хотят стать пилотами. Я тоже в детстве хотел, считал арки, а уж сколько раз проходил через них – не сосчитать.

– А сейчас? – Катя взглянула вопросительно.

– Что?

– Сейчас хочешь стать пилотом?

– Неа. Я, в МТУСИ поступать буду.

– Это что? – не поняла Катя.

– Университет связи и информатики.

– На программиста что ли? – сморщила нос Катя, – программистов сейчас как собак нерезаных.

– Узко мыслишь, – вроде обиделся Мика, – это профессия будущего. А летать... Об этом в пятидесятые годы все мечтали, летчиками да космонавтами стать. Кстати, сейчас без компьютера ни один самолет не взлетит если что.

– Да поняла я, поняла, – отмахнулась Катя.

Ветер завывал все сильнее, стало совсем темно. Катя накинула капюшон и надеялась, что дождь потерпит еще десять минут. Но дождь, как вредный ребенок, будто услышал ее мысли и сделал с точностью наоборот. Холодные капли брызнули и ударили в лицо, подброшенные ветром.

– Побежали! – Мика схватил ее за руку и потащил к выходу. Подталкиваемые ветром, парень и девушка проскочили сквозь высокую арку и вылетели на улицу.

Улица была пустынна. Ни одного автомобиля, только старый грузовик с деревянными бортами с грохотом проехал мимо. Неподалеку две молодые женщины в белых платьях со смехом перебежали дорогу и нырнули в дверь, над которой обозначилась вывеска "Булочная".

– Это что такое?! – растерянно пробормотал Мика, все еще сжимая Катину руку.

А она, почему-то, сразу поняла в чем дело. Просто кожей почувствовала. Волоски на руках поднялись не от холода, а от осознания. Осталось понять, куда они попали.

Мика оглядывался, пытаясь сообразить, взгляд его обращался к арке, ведущей в парк, потом возвращался на улицу, которую он не узнавал. Катя подбирала слова, но любое слово с добавлением "мы попали в прошлое" звучало бы совсем не успокаивающе, а, скорее, наоборот.

– Ты это... – она подергала Мику за руку, – успокойся, сейчас разберемся.

Дождь, который по всем приметам должен был превратиться в ливень, неожиданно свернулся и ушел куда-то за парк, поливать уставшие от дневной жары деревья. Девушка и парень шли вдоль домов озираясь. Катя, понимая, что сейчас может случиться все что угодно, осторожно озиралась по сторонам. В прошлый раз она чуть было не попалась фашистам, разгуливающим по городу. Однако, спустя некоторое время, она расслабилась. Судя по вполне мирному виду улиц, войны здесь не было. Да и в литературе, которую она успела прочесть за эти полгода, война с боями и оккупацией до молодого селения Стаханова, который потом превратится в Жуковский, не дошла.

– Мы в прошлое попали, – наконец выдала Катя. Она честно старалась придумать что-то более адекватное, но не смогла.

Глава 3

– Чего?!

Катя вздохнула обреченно. Ей тоже понадобилось много времени в тот раз, чтобы осознать.

– В прошлое.

– В смысле?!

– В прямом! Мы. Попали. В прошлое.

– Шутишь что ли? – они стояли посередине тротуара, Мика крутился вокруг себя.

– Да какие уж тут шутки... Слушай, я не хотела рассказывать, но придется...

Историю своих приключений Катя пересказывала целых десять минут. И чем ближе было к концу рассказа, тем больше округлялись Микины глаза.

– Понимаешь? – Катя заглядывала парню в лицо, – очевидно, у нас с тобой есть какая-то миссия здесь.

– Какая?

Мика был человеком своего времени. Он прочитал достаточно книг, пересмотрел кучу фильмов и про путешествия во времени знал если не всё, то многое. Когда ему было лет восемь – возраст, когда всё воспринимается как правда, он даже смотрел фильм от Дискавери, и там рассказывали, что с точки зрения физики и математики, путешествия во времени реальны. Маленький Мика впечатлился тогда, но с то-

го дня прошло много времени. Сейчас он ощущал легкое головокружение. Эта девчонка говорила странные вещи, а он честно пытался понять.

– Ну, я думаю, раз все произошло тут, значит это как-то связано с Мишей... Ну, с твоим прадедом.

– То есть ты намекаешь, – недоверчиво уточнил он, – что мы попали в прошлое, чтобы спасти прадеда?

– Аллилуйя! – Катя подняла вверх руки, благословляя Микину сообразительность.

– Что за бред?! – парень резко развернулся и пошел в обратную сторону, – давай вернемся, пройдем обратно через арку и все.

Он шел так быстро, что Катя едва поспевала за ним. Дойдя до парка, Мика решительно схватил девушку за руку и почти бегом проскочил сквозь арку.

– Ну что? – шепотом спросил он, – вышли?

– Не уверена, – так же тихо ответила Катя, – пошли посмотрим.

Они вернулись к центральному входу, где парк соседствовал с "Метеором". Издалека было слышно шум – на стадионе шел матч, и болельщики рвали голосовые связки, поддерживая свою команду. Ребята побежали вокруг, разыскивая вход, и, наконец, наткнулись на широко распахнутые ворота. У ворот, подпирая столбики, стояли, скучая двое парней в почти одинаковых белых широких брюках и с красными повязками на руках. Они завидовали тем, кто был внутри,

и когда волна болельщицкого крика достигала входа, парни тянулись шеями, пытаясь уловить, что происходит на поле.

– Эй, стой! – один из парней схватил Мику за рукав, – куда без билета?!

– Да мы посмотреть... – Мика дернулся, пытаясь вырваться, парень отпустил и внимательно присмотрелся.

– Тут все посмотреть. А ты чего так вырядился? Стиляга что ли?

Катя взглянула на своего спутника и мысленно ахнула. А антураже этого времени его зауженные розовые брюки, рубашка в клетку с подвернутыми рукавами и белая майка, видневшаяся из расстегнутого ворота, выглядели как минимум вызывающе. Как хорошо, что она в последний момент, повинувшись какому-то наитию, сменила джинсы с дырками на бедрах, на платье. В душе она надеялась, что Миша, которого она помнила, оценит ее вид и порядочно отросшие волосы.

– Почему стиляга? – Мика топтался на месте и не знал, что ответить.

– Нарядился как петух, – презрительно сплюнул народный дружинник, – а еще комсомолец! Часы вон иностранные нацепил!

Часы у Мики и правда были шикарные.

– А вам, девушка, – обратился он к Кате, – не стыдно с таким под руку ходить?

– Извините, – Катя схватила парня и потянула обратно, в

сторону парка.

– Ну что, понял? – проговорила она, задыхаясь, когда они плюхнулись на скамейку в глубине аллеи.

– Это капец, – Мика уронил голову на ладони.

– Так, надо собраться, – Катя ткнула спутника в бок, – думаю, надо разыскать Мишу.

– Для начала надо узнать, какой сейчас год, – Мика потер макушку, взъерошив короткие волосы.

– Это, как раз, проще всего, пошли.

Снова выйдя через арку, ребята осмотрелись. Неподалеку, примыкая к магазину "Продукты", стояла полукруглая будка. Ее бока были сплошь оклеены газетами разного срока давности. Самая новая, чуть влажная от дождя, сообщала о том, что сегодня двенадцатое июля одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года.

– Я не помню, когда дед погиб, – удрученно и виновато сказал Мика, – бабушка говорила, когда ей был год, а деду Коле пять.

– А сейчас сколько твоей бабушке? – спросила Катя.

– Сейчас... – Мика задумался, – шестьдесят три.

Посчитав в уме, Катя кивнула.

– Да, мы там, где надо. В пятьдесят шестом погиб Миша.

И. почему-то я уверена, что именно в июле.

– А как мы его найдем? – по парню было видно, что он смирился и полностью доверился ей, как специалисту в прохождении через время.

– Ну, – Катя покрутила отросшую прядь, – где Миша работал в это время?

– Не знаю. Знаю только, что он учился в школе летчиков, наверное, он летчик...

– Наверное! – передразнила Катя, – историю своей семьи не знаешь!

– А пошли домой! – выдал вдруг Мика. Кажется, он даже не обиделся на Катины подначки.

– В смысле – домой? – не поняла Катя.

– Ну туда, где наш дом в будущем! Бабушка говорила, что она всю жизнь в этом доме прожила!

Обрадованные, они сорвались с места. Ориентироваться было трудно, все вокруг выглядело иначе, но Мика опирался на какие-то известные ему точки и вел вполне уверенно. Вечер уже полностью накрыл город. Фонарей не было, и только желтоватый свет лампочек и окон освещал улицы.

– Кажется, сейчас вон туда, за дома, – произнес Мика.

Они в очередной раз перебежали дорогу и оказались в темном переулке. Кате здесь совсем не понравилось. Во всех фильмах именно в таких местах совершаются преступления. И будто по закону жанра, из-за угла выдвинулись четыре фигуры в надвинутых на лицо кепках. У одного в руках была гитара, двое дымили вонючими папиросами.

– Здорово, мальцы, – обратился один из неизвестных, бросая на землю окурков, – не боимся гулять по ночам? Тут опасно.

Другие загоготали. Мика схватил Катю за руку и завел ее за себя. Защита была сомнительная, и Катя, выдернув за поясстье, встала рядом.

– А ты чего это такой расписной? – хулиган близко подошел к Мике, потянул его за воротник, – модник, смотрю. Ну-ка, скидывай штаны.

– Да щас! – Мика дернулся, вырываясь.

– Ого, да ты, парень, гляжу, смелый. Ну так мы смелых уважаем. Комсомолец? Пионер-герой может быть?

Хулиган неожиданно выбросил руку, целясь Мике в лицо. Катя взвизгнула, но нехилый кулак провалился в воздух, потому что Мика успел увернуться. Нападавший громко выругался, потому что чуть не упал, его товарищи перестали посмеиваться и насторожились.

– Ты че, урод, смерти хочешь?! – хулиган снова размахнулся, и уже попал Мике в плечо, от чего тот покачнулся и упал на одно колено, хотя тут же вскочил, покачиваясь.

Ватага начала наступать, и Катя поняла, что сейчас они просто уронят и запинаят Мику до полусмерти. Ее, почему-то, не трогали, будто бы вообще не замечали, наверное ждали, что она заплачет и убежит. Но она не собиралась ни плакать, ни бежать.

– Ну-ка вон пошли, босота! – шагнула она вперед, и хулиганье действительно остановились, в основном, больше от неожиданности.

– Пошли вон, я сказала, – Катя сжала кулаки, – а то хуже

будет.

Хулиганы зароптали. Катя не стала дожидаться, пока они сообразят, и, хорошенько размахнувшись, ударила самого мелкого крепким кулачком прямо в нос. Кровь брызнула в стороны, пострадавший взвыл и повалился на колени.

Остальные набросились всей кучей. Катя не соображала, что происходит, она понимала только, что ее еще не уронили, и она даже, кажется, кому-то еще раскровила нос, и Мика держится...

Резкий свист остановил драку. Из темноты аллеи выступил мужчина в военной форме.

– Ну-ка разошлись! – скомандовал он.

Трое попятнулись от Кати и Мики, вытирающего рассеченную бровь, но один угрюмо взглянул на мужчину и остался на месте.

– А ты кто такой, чтобы тут командовать?! – дерзко спросил он.

– Это неважно, – мужчина был уверен в своих словах, – отпустите ребят, сказано вам, и убирайтесь, пока целы.

– Летчик что ли?! – хулиган сплюнул, – видали мы таких.

Это и правда был летчик. Синяя форма и "крылышки" на фуражке. Он подошел близко, оторвал руку хулигана от Микиной рубашки. Хулиган дернулся, с ненавистью глядя на офицера, потом вдруг резко выбросил руку вперед, и тут же сорвался с места и исчез в темноте. Остальные последовали за главарем. Гитара со сломанным грифом осталась валяться

в кустах.

Катя, растерянная от такой неожиданной концовки, сначала посмотрела на Мику, вытирающего кровь, стекающую по скуле, а потом на офицера. Он все еще стоял к ней спиной, будто смотрел в ту сторону, куда убежали хулиганы.

– Спасибо вам, – произнесла она, подойдя ближе.

Летчик не ответил, Катя обошла его, чтобы видеть лицо, и ахнула – мужчина зажимал бок, по которому расплзлось красное пятно.

– Пырнул, гад, – досадливо пробормотал летчик, – новый китель испортил.

Он осел на землю.

– Вам к врачу надо! – Катю затрясло от осознания, что из-за них пострадал человек, – Мика, беги, вызывай!

– Куда?! – парень растерянно топтался на месте.

– Туда! – Катя махнула неопределенно. Мика сорвался и исчез в кустах.

– Вам надо прилечь, – она упала на колени, – сейчас врач придет!

Мужчина внешне был вполне спокоен, если бы не побледневшие губы, никто бы и не догадался, что он ранен. Он поднял глаза на Катю, которая, пытаясь справиться с истерикой, бестолково суетилась рядом. Летчик взял ее за запястье. Крепкая ладонь полностью обхватила тонкую Катину руку.

– Катя? – неуверенно произнес летчик, и она вздрогнула.

Катя уставилась в лицо мужчины, и, конечно же, сразу

узнала.

– Миша!... – прошептала она, прижимая пальцы к губам, – Миша, это ты?!

Глава 4

– Я тебя не сразу узнал, – ответил Миша, – ты такая взрослая стала, красивая! Тебе идут длинные волосы.

– Ты молчи, молчи, – Катя вдруг поняла, что сейчас она разрыдается в голос. Внутри все дрожало. – Силы береги, сейчас "скорая" приедет!

Но скорая все не ехала и не ехала. И этот дурацкий Мика куда-то пропал.

– Ты как тут? – полушепотом спросил Миша.

Катя поняла его вопрос.

– А я к тебе приехала, там, – она махнула ладонью за голову, обозначая будущее, – и оказалась тут.

– Ни за что бы не поверил, если бы мне кто-то рассказал, – улыбнулся Миша.

– А я Марусю видела, – сказала вдруг Катя, – она такая старушка. А Толя стал известным музыкантом!

– Про Толю слышал, – кивнул Миша, – мы с женой все собирались на концерт в Москву поехать.

– А ведь у меня жена, – опомнился он, – и детки, двое, Колька и Ниночка.

– Я знаю, – печально произнесла Катя, – слезы текли по ее лицу, а она не чувствовала этого.

Когда вдалеке послышался вой сирены, Катя вскочила на ноги. Плотные кусты раздвинулись и оттуда вывалился Ми-

ка. Видок у него был еще тот – подбитый глаз заплыл совсем, рубашка, которая еще с утра выглядела как новая, распахнулась из-за отсутствия пуговиц, рукав был порван до локтя. На правом колене через дыру проглаживала засохшая ссадина.

– Он здесь, здесь! – закричал Мика, и из бокового выхода появились двое мужчин в белых халатах, завязанных на спине, с тряпичными носилками.

– Только аккуратнее, пожалуйста! – пока Мишу приподнимали и перекладывали на носилки, она держала его за рукав кителя.

Их взяли с собой. Во-первых, они сами выглядели как потерпевшие, а во-вторых, туда, в приемный покой вызвали наряд милиции. Мишу унесли куда-то, а Катя и Мика остались ждать в темном узком коридоре, покрашенном коричневой краской. Мика молчал, откинувшись спиной на стену. Она сказала ему. Там, в машине. Парень вздернулся было подойти, но санитар велел сесть, и он послушно сел обратно. А потом Мишу унесли, и они даже не успели попрощаться. Оба знали, чем все закончится.

– Выходит, это из-за нас... – хрипло произнес Мика.

Катя хотела ответить, но тут дверь распахнулась и в коридор влетела маленькая худенькая девушка. На ней лица не было, она пробежала внутрь, натягивая на ходу халат.

– Это Валя, – сказал Мика, проследив взглядом, – она здесь работает медсестрой.

Он встал, запахнул рубашку и пошел к выходу.

– Эй, ты куда?! – окликнула его Катя.

– Туда, – отрешенно ответил парень.

Она пошла следом. На улице светало. Прохладный утренний бриз шевелил волосы, в воздухе ощущалась сырость. Мика шел и шел, Катя семенила за ним.

– Эй, подожди... – Катя прибавила шагу, чтобы догнать нечаянного собрата по несчастью, но он вдруг резко остановился, так, что Катя почти врезалась ему в спину.

– Вот зачем ты приперлась?! – зло бросил он Кате в лицо, – сидела бы дома, путешественница во времени, может и дед был бы жив!

Несправедливость обвинения, а больше того невыплаканное горе, ударили в сердце. Катя задохнулась сначала, потом вспыхнула лицом, отпихнула Мику и побежала, куда глаза глядят. Она бежала и бежала, пока не кончились силы, остановилась, пнула оцинкованный мусорный бак, бак загремел на всю улицу, вытерла злые слезы и медленно побрела вдоль улицы туда, где злополучная арка выбросила их в этот мир.

– Подожди! – раздалось сзади.

Катя упрямо шла не оглядываясь.

– Прости меня, – Мика нагнал ее, поймал за руку, остановил, – ты же говорила, что я придурок, ну вот такой я и есть. Ты не виновата. Ну, то есть, вряд ли здесь прямая наша вина. Вообще, я до сих пор не могу поверить в происходящее, мне кажется, что я сплю и вижу сон.

– Больно уж реальный сон у тебя, – буркнула Катя, – вон глаз-то заплыл совсем.

– Что дальше делать будем? – спросил Мика.

Не знаю, – ответила Катя, – я и тогда не знала, и сейчас не представляю.

Они вошли в парк. Здесь было теплее, чем на улице.

– Давай посидим, – Катя плюхнулась на скамью, – у меня сил нет.

Они сидели, согревая друг друга теплыми боками, и незаметно уснули.

Катя открыла глаза – вокруг было зелено. Мимо прошла женщина с маленькой девочкой, девочка бросала мячик и догоняла его, а женщина неодобрительно, поджав губы посмотрела на девушку. Катя вдруг осознала, что опирается щекой в мужское плечо. Она подняла голову – Мика спал. Синяка, как и порванных штанов не было. Отлично, их еще и зациклило.

– Эй, – Катя потрясла парня, – просыпайся, спящая красавица!

Мика вздрогнул и открыл глаза.

– Поздравляю, мы попали в день сурка, – сообщила Катя.

Глава 5

Ему понадобилось немного времени, чтобы сообразить. Гораздо меньше, чем вчера, это уже прогресс.

– То есть сегодня это вчера заново? – уточнил Мика.

– Получается, что так, – кивнула Катя.

– Ну так мы можем все исправить!

– Соображаешь!

– И что будем делать?

– Надо подумать, – Катя оперлась ладонями в скамейку, – похоже, что помочь Мише в драке мы не сможем, наверное, надо предотвратить драку.

– Ну так если нас не будет там, то и драки не будет! – резюмировал Мика.

– Точно! – Катя подняла большой палец вверх.

– Но ты же хотела бы с ним увидеться? – спросил Мика осторожно.

– Хотела бы, – вздохнула Катя.

– Ну так пошли к Вале!

– И что мы ей скажем? – Катя скептически подняла бровь, – здравствуйте, мы тут мимо проходили.

– Да нет, скажешь, что ты из Истры, какая-нибудь знакомая.

– Ну, в принципе, можно, – согласилась Катя, – пошли.

При свете дня и с мыслью о том, что все можно исправить,

они направились по знакомому адресу. Дом стоял, но тонкого кованного ограждения не было, посередине разлилась глубокая лужа, в которой с удовольствием расхаживал пацан лет пяти. Из одежды на нем были только черные сатиновые трусы и резиновые сапоги выше колен. В руках он держал длинную палку, сначала тыкал палкой в дно, проверяя глубину, а потом шел. Неподалеку на веревках полоскалось на ветру стираное белье. Ребята поднялись на четвертый этаж. У двери висела бумажка, на которой было написано: "Звонка нет. Стучите!" Катя и Мика переглянулись, Катя подняла руку и стукнула три раза в деревянную дверь.

– Кто там? – раздался из-за двери молодой голос.

– Здравствуйте! – ответила Катя, – а Михаила можно увидеть?

Дверь приоткрылась, в проем выглянула молоденькая женщина.

– А его нет, – приветливо ответила она, – Миша на работе.

– Мы... – Катя замялась, – мы из Истры приехали...

Мишина жена ахнула и распахнула дверь.

– Проходите, проходите! – засуетилась она, – вот он обрадуется! А вы от кого, от тетки его или так, знакомые?

– Он вот от тетки, – указала Катя на Мику, – а я от знакомых, от Шуры Емельяновой.

Валя если и задержала взгляд на Мике, то совсем чуть-чуть, похоже ее розовые штаны волновали мало.

– Проходите, проходите! – приглашала она, сейчас обе-

дать будем!

Катя сняла у входа обувь, Мика последовал ее примеру. В квартире было не слишком богато, но очень чистенько и аккуратно.

– Да вы садитесь! – Валя указала на тахту.

Сама она распахнула окошко, высунулась туда до пояса и прокричала:

– Колька! Коляшка! Иди домой! Сейчас же!

Потом захлопнула створку и улыбнулась:

– Целый день на дворе, постреленок, не дозваться.

В соседней комнате раздался плач ребенка. Валя сорвалась и исчезла в спальне, а через несколько минут вышла, держа на руках пухлую розовощекую, заспанную девочку.

– Это Ниночка, – похвасталась дочерью молодая мать.

Катя улыбнулась малышке, та в ответ тоже разулыбалась и что-то пробормотала на своем детском языке.

В это время хлопнула дверь.

– Мама, я пришел! – раздался детский басок. Потом что-то загремело, упало.

– Коляшка, – Валя вышла в коридорчик, – ты опять эту грязную палку притащил! Выкину, честное слово!

– Папка сказал, что саблю мне из нее выстругает, не выкидывай! – попросил ребенок.

– Ну ладно, – милостиво согласилась мать, – только отнеси ее на чердак! И иди мой руки.

Время до вечера пролетело незаметно.

– Вечно задерживается, – с виноватой улыбкой сказала Валя, – работа такая.

Она и сама заметно волновалась, хотя, это, может быть, из-за того, что боялась, что гости уйдут, не дождавшись хозяина.

Когда на тумбочке тренькнул телефон, все вздрогнули от неожиданности.

– Алло, – произнесла Валя, сняв черную трубку.

Катя и Мика переглянулись.

Трубка в руках у хозяйки дома задрожала, Валя побледнела, закусила губу.

– Беда случилась, – сказала она, положив трубку, – на Мишу напали, везут в больницу.

Она заметалась, не понимая, что надо взять с собой, за чем-то схватила большой мужской халат коричневого цвета, потом бросила его.

Сейчас будто и не было рядом ни Кати, ни Мики, молодая женщина находилась одна в своем горе, и это горе оглушило и ослепило ее. Вдруг она что-то сообразила, метнулась к двери, выбежала на лестничную площадку, затарабанила в соседнюю дверь. Дверь открылась, оттуда вышла женщина средних лет.

– Вилена Аркадьевна, – затараторила Валя, – присмотрите за моими пожалуйста, там что-то с Мишей!

– Конечно, Валечка, беги, присмотрю.

Она убежала, забыв, что в доме посторонние люди. Катя

и Мика вышли из квартиры опустошенные.

– Значит, это точно не мы... – проговорил Мика на улице.

– Значит не мы, – повторила Катя.

– Но должна же быть какая-то привязка! В каком месте можно сбить эту чертову программу уничтожения!

– В каком месте... – Катя задумалась, – в месте... Может быть место имеет значение?

– Ты имеешь ввиду тот переулок?

– Ну да, он, наверное, там каждый день ходит.

– Надо что-то сделать, чтобы не ходил.

– Что например? – Катя посмотрела на парня.

– Ну, не знаю, бомбу заложить.

– У тебя в кармане завалялась лишняя бомба?

– Может милицию заранее вызвать? Позвонить и сказать, что там намечается теракт. У нас так в школе один раз пацан-шестиклассник позвонил, приехала полиция, всю школу перевернули.

– Мика, это пятьдесят шестой год! – Катя смотрела на него как на неразумного, – тут это не прокатит.

– Тогда что?

– Не знаю... – Катя двинулась по уже знакомому пути.

Мика догнал, пошел рядом. Катя вдруг подумала, что он не такой уж странный, как вначале ей показался. Просто этот парень из тех, кто предоставлен сам себе, и компьютер его лучший друг.

– Ты совсем на Мишу не похож, – сказала она.

– Ага, я в мамину родню, – согласился Мика.

– А почему тебя так странно зовут?

– Как – странно?

– Ну, Мика...

Парень усмехнулся.

– Я когда маленький был, меня все звали Мишка, а я повторял "Мика, Мика", вот и приклеилось.

– А-а, – Катя улыбнулась, – понятно.

– Меня так только в семье зовут, и больше нигде.

Удивительно, но ночевать на лавке в парке было даже неплохо. Катя сняла кроссовки, легла на скамейку, положила голову Мике на колени. Засыпая, Катя чувствовала, как теплые пальцы убирают волосинки с ее лба.

Третий день не был ничем примечателен. Их так же разбудило солнце и проходящие мимо люди. Сегодня никуда идти не хотелось, Катя умылась в фонтане посреди парка, и до вечера они слонялись по аллеям, продумывая план, как спасти Мишу. Обоих волновал вопрос эффекта бабочки, но ни тот ни другой не обсуждали это, потому что не видели смысла. Сам факт их присутствия в прошлом в день гибели Миши снимал все вопросы.

Вечер уже наступил, а идей так и не прибавилось. Мика, по-прежнему, отстаивал необходимость вызвать наряд милиции, и Катя уже была не против, но проблема состояла в том, как именно это сделать. Сообщить лично не получится, а телефонных автоматов еще не придумали.

– Убежать сможешь? – Катя рассуждала вслух – отделение милиции в двух кварталах. Допустим, ты заходишь, сообщаем про нападение, и тут же убегаешь...

– Не уверен, – Мика сунул руки в задние карманы, но попробовать можно.

– Хорошо, а я пойду туда, посмотрю, получится ли. Встретимся в парке.

– Ты только это... Мика замялся, – осторожно там. Все-таки одна, в темном переулке...

– Иди уже, – Катя улыбнулась, – защитник.

План зиял логическими дырами, но другого не было.

Хорошо, что тут кругом кустарник, где можно не просто в одиночку. А целой компанией пересидеть. Катя забралась в кусты и наблюдала, как ее приятель торопливо перебегает дорогу. Она очень надеялась, что у него все получится.

Время в кустах тянулось бесконечно. Ветки тыкали в бока, от сидения на корточках затекли ноги. Катя привсталала, потопталась на месте, по-прежнему глядя туда, откуда должен выйти Миша.

Они появились одновременно. Кучка гопников с гитаркой и молодой летчик. У Кати замерло внутри, она была не готова наблюдать, как будут убивать ее друга. Хулиганы заметили одинокую фигуру и целенаправленно двинулись наперерез. Катя, потеряв терпение, вылезла из импровизированной засады и прибавила шаг, чтобы подоспеть, но тут...

Из-за поворота, мечась из стороны в сторону, как заяц,

выскочил Мика. Он довольно шустро неся, а за ним, четыре милиционера. Катя замерла, глядя, как Мика уходит от пого-ни, а парень вдруг изменил направление, и со всей скорости протаранил кучку уличных бандитов, отпихнув, при этом, того, с ножом. Остальные, увидев стражей порядка, моментально разбежались, оставив несчастного главаря отдуваться за всех. Двое милиционеров наклонились над хулиганом, вязали ему руки, а он громко кричал о нарушении прав и невиновности.

– Давай, давай, иди! – подталкивали его в спину, – там разберемся.

Другие двое исчезли за поворотом вслед за Микой.

Молодой летчик с любопытством наблюдал за всем произошедшим, потом покачал головой, усмехнулся и пошел дальше.

Катя вышла из оцепенения. Она выскочила из кустов, и, отряхиваясь на ходу, рванула туда, куда свернул Мика. Пробегая мимо офицера, она махнула ему рукой и крикнула "Привет, Миша!"

Она уже завернула за угол, и не увидела ошарашенного Мишиного взгляда.

Кате казалось, что она никогда в жизни так быстро не бежала. По дороге ей никто не попался, кроме дворняги. Собака даже не залаяла, ей не было никакого дела до людей. Вбежав в парк, Катя остановилась, потом пошла в сторону той аллеи, где они ночевали две ночи подряд.

На скамейке никого не было. Не зная, что и думать, Катя присела, но тут же подпрыгнула, потому что совсем рядом затрещали кусты. Мика выскочил совсем не оттуда, откуда она его ждала. Он подбежал, схватил ее за руку и потянул за собой.

– Мы куда?! – дребезжащим голосом спрашивала на бегу Катя.

– Беги, если не хочешь провести ночь в отделении, – выкрикнул Мика. Его глаза сияли, рука крепко сжимала Катину ладонь, и вообще, он выглядел как слегка помешанный. Наверное, все адреналинщики так выглядят со стороны. Они вылетели на центральную аллею, залитую неоновым светом. Где-то играла музыка, парк был полон людей. Мимо прошла пожилая женщина в наушниках и с палками для шведской ходьбы, проехала на велосипеде девушка, с колонкой, похожей на бочонок, и выдававшей какую-то очень шумную музыку, прошли двое подростков.

– Мы вернулись?! – Катя замерла.

– Вернулись! – Мика обхватил ее за талию и раскружил, – вернулись, Катя, вернулись!

Она прижалась ухом к его груди и услышала, как часто и сильно бьется его сердце.

– Я буду звать тебя Мишей, – сказала Катя.

– Ладно, – кивнул Мика, – пошли домой!

Глава последняя

– Михаил, ты в своем репертуаре! – бабушка Нина заворчала с порога, – уже все собрались, а тебя все нет! Именинник называется!

– У тебя сегодня день рождения?! – шепнула Катя.

– Ага. А я не говорил? – улыбнулся Мика.

– Поздравляю!

– Спасибо.

В большой комнате, действительно, было много народу.

– О, родители приехали, привет! – Мика, не выпуская Катиной руки, подошел к матери, подставил щеку для поцелуя. – Мам, это Катя.

Моложавая женщина, в очках, с длинными темными волосами, улыбнулась. Мика, действительно, был похож на нее.

– Здравствуйте, Катя, приятно познакомиться.

Катя отдала вежливую улыбку, но взгляд ее притягивала вовсе не Микина мать. Во главе стола, на стуле, больше похожем на кресло, сидел старик. Хотя, для Кати он был вовсе не старик, он был сначала шестнадцатилетний парнишка, а потом бравый офицер. Миша улыбнулся ей, и Катя радостно растянула губы в ответной улыбке. Мика тоже смотрел в ту сторону, потом взял Катю за руку и потянул за собой.

– Здравствуй, дед, – голос его взволнованно дрожал.

– Здорово, внук.

– Это Катя, – молодой человек подтолкнул девушку чуть вперед.

Катя вспыхнула от неожиданного смущения.

– Красивая, – Миша подмигнул внуку, – и волосы длинные ей очень идут.

Их разговор прервал громкий голос бабушки Нины.

– Мы сегодня сядем за стол, или будем ляды точить?! Все стынет!

Послесловие. Историческая справка.

Все описанные в первой части повести события происходили на самом деле в городе Истра в ноябре-декабре одна тысяча девятьсот сорок первого года.

В книге «Об Истре с любовью» описывается, как семья Титовых переживала немецкую оккупацию в городе Истра. Евгения Николаевна Титова рассказывает, как ее семье двадцать пятого ноября одна тысяча девятьсот сорок первого года пришлось уйти из дома в убежище, и прятаться в нем несколько суток, пока в городе кипел бой. Потом, во время немецкой оккупации, семья Титовых скрывалась от немцев в подвалах уцелевших домов, в укрытиях и даже просто в глубокой сырой яме. Семья Титовых стала свидетелем того, как немцы взорвали Ново-Иерусалимский монастырь. Одиннадцатого декабря Истру освободили наши войска.

Обо всем произошедшем пишут статьи, рассказы, и даже школьные рефераты. Спасибо авторам за предоставленную информацию.